

Сергей Слюсаренко

Тактильные ощущения

«Автор»

Слюсаренко С. С.

Тактильные ощущения / С. С. Слюсаренко — «Автор»,

Если однажды вы почувствуете, что авторучка выскальзывает из рук, что привычные вещи стали чужими, что все кругом вызывает раздражение – это не обязательно сумасшествие. Может быть – вы на острие великой битвы, битвы за выживание человечества. И может быть вы – единственный, кто видит врага. Пусть никто вокруг не верит, пусть вы выглядите безумцем – верьте себе, спасение мира зависит только от вас...

© Слюсаренко С. С.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	31
Глава девятая	34
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Слюсаренко

Тактильные ощущения

Глава первая

Группа стимуляции мотиваций занимается малопонятным, но полезным делом. В каждой более или менее солидной конторе со временем возникает проблема, как заставить работать своих сотрудников с максимальной отдачей. У каждого свои тараканы в голове, «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И в каждом случае нужны особые советы. Дело это не простое, но наша небольшая консалтинговая фирма выжила в конкурентной борьбе и сейчас вполне заметна на рынке. Конечно, можно спорить о том, что больше влияет на отзывы наших клиентов – реальные улучшения в работе или же устраиваемое нами, хорошо обставленное, действо бизнес-тренингов. Но для нас главное – успех и процветание нашей фирмы. А он определяется тем, какие отзывы и рекомендации мы имеем. И то, что мы оставляем о себе всегда самое лучшее впечатление, и есть главный результат. Один недостаток – мотаться приходится много. По всей империи, а теперь, когда бывшие колонии получили статус свободных территорий, ещё и туда, в провинцию, возомнившую о себе невесть что. Там работать совсем просто, главное соблюдать протокол. Но как раз соблюдение этого протокола требует определенного напряжения. Ну как потащишь в чертов Мухоёвск на десять дней десять комплектов одежды? Уж очень строго следят тамошние за тем, чтобы топ-менеджер ежедневно менял костюм. Вот и тянешь с собой тучу чемоданов. А те же brave таможенники начинают подозревать в вывозе товаров и другой контрабанде. Хотя, чего это я дергаюсь? Я-то уже выше всей этой суеты. Моего однодневного визита в фирму, заказывающую наши лекции, тренинги, игры, уже достаточно, чтобы поставить там всё на быстрые ноги. Согласовать план работы, когда и кто из моей команды проведет нужные действия, какие проблемы у заказчика и прочую мишуру. В общем – стою я в длиннющей очереди паспортного контроля столичного аэропорта Домобабово и думаю о жизни. Вернее думаю-то я о том, чтобы поскорее проскочить эту дурацкую очередь и перехватить хоть чашечку кофе в начале длинного дня, но профессионально держу на лице интеллектуально озабоченный вид. *Neglige oblige*. Так вроде говорят. А вот и моя очередь. Я уверенно (это залог того, что пограничник не засомневается) перешагиваю желтую полосу на каменном полу с надписью «Ждать здесь!».

– Добрый день, – с энтузиазмом сообщаю я пограничнику.

– Пожалуйста, – протягиваю я ему свой заграничный паспорт.

Этот контроль – дело формальное. Но ритуал есть ритуал.

Пограничник, ответив заученной улыбкой на мою демонстративную вежливость, открыл паспорт на первой странице и стал проникновенным взглядом сверять фото в паспорте с моим лицом. Проникновенный взгляд они, наверное, перед зеркалом репетируют. Так импровизировать нельзя. Удостоверившись в идентичности фото и оригинала, пограничник стал безразлично пролистывать паспорт под ультрафиолетовой лампочкой – проверять скрытые элементы защиты документа. Внезапно его безразличие сменилось неподдельной заинтересованностью.

– Пойдите, пожалуйста, в сторонку, я сейчас, – жизнерадостно заявил он и, схватив мой паспорт, скрылся в недоступной простым смертным комнате с надписью – «СЛУЖБА».

Я, ничуть не беспокоясь о своем, много раз проверенном паспорте, почти точно выполнил просьбу военного. Выполнил я её в смысле – постоять. Но при этом тихонько прошел за красную линию, обозначающую государственную границу, и стал ждать паспорт у заветной двери. Она была не вполне закрыта и через щель я видел, как пограничник, уже более высокого

ранга, чем мой, с серьезным видом говорит по телефону. Держа при этом в руках мой паспорт раскрытым. Тут обратно в щель просочился тот, который отнял паспорт у меня.

– Вы не беспокойтесь, сейчас решим! – доложил он мне.

– Да что там такое? – мягко удивился я. – Я ездил с этим паспортом столько раз! Вы же его проверяли многократно!

– А там светится он не так, как надо!

– А как надо? – эти задержки стали меня злить.

– Сейчас разберемся, не беспокойтесь, – сказал служивый и скрылся за дальней, уже и вовсе недостижимой дверью.

Я остался терпеливо ждать финала этой комедии-фарса. Говоривший по телефону старший тем временем закончил разговор и вышел в коридор, все также решительно сжимая в руке мой паспорт.

– Зайдите, пожалуйста, сюда, – с вежливостью, от которой шерсть встает дыбом, пригласил он меня за строгую дверь.

– У вас проблемы с моим паспортом? – начал я сам, войдя за рубеж.

– У вас есть другие документы кроме этого? – не вступая в дискуссию, парировал пограничник, глядя мимо меня.

– Сейчас посмотрю, но, отправляясь за границу, я обычно беру с собой только паспорт, – я начал нервничать.

Краткий обзор бумажника и всяких карманчиков сумки ноутбука дал простой результат. У меня, кроме паспорта, были следующие документы:

1. Ученические права на вождение авто в штате Нью-Занзибар. Там фамилия была написана не совсем так, как в паспорте, но фото совпадало.

2. Удостоверение личности пенсильванского университета. Там совпадала фамилия, но лицо было мало узнаваемо. Плохое фото.

3. Внутренний латинский паспорт. Там все было неплохо, но в графе «гражданство» был указан Уругвай. Прихоть тамошнего компьютера.

Эти документы я хранил просто ради шутки. И в сумке они оказались случайно. Как ни странно, это произвело положительное впечатление на военного и, собрав все в кучу, он вдруг громко закричал прямо перед собой:

– Алла!!! Куда ты дела рацию?

Прибежала Алла с рацией. Пограничник что-то проговорил в неё. В смысле, в рацию. Вот интересно – когда слушаешь, что раздается из раций подобных служб, удивляешься – как они, военные, понимают это? А на самом деле – как туда говорят, так оттуда и отвечают. На призыв выскочил младший пограничный чин.

– Вот, возьми паспорт и отнеси Воробейчикову в техслужбу. И скажи, что до отлета осталось полчаса!

– А что про паспорт спросить? – поинтересовался младший.

– Ничего – он все знает, – отвечивал начальник.

Шустрый низший пограничный чин исчез, но через десять минут, когда я уже стал подумывать о том, как же я доберусь до места, если пропущу самолет, вернулся посланец и с ним кто-то ещё более важный с паспортом в руках и две женщины в униформе. За дверью, скрывшей их, раздавалась ругань. Ругались одновременно по нескольким поводам. В основном ругался Воробейчиков – ему принесли паспорт, о котором он не имел понятия, и сказали, что он знает. Тот, кого посылали с паспортом, ругался из-за того, что его заставили сказать Воробейчикову, что он все знает, а он не знал. Я бы и дальше стал анализировать это перекрестное опыление, но рейс меня торопил. Я распахнул дверь и, вложив весь свой профессионализм в голос, сказал:

– Уважаемые господа! Если проблемы с моим паспортом не разрешатся сейчас, то я потеряю свой самолет. Учитывая тот факт, что мой паспорт не поддельный, визы в порядке, вина

за все ложится на вас. Я ни в коем случае не желаю вам неприятностей и прошу объяснить мне ситуацию. Мы вместе её обсудим!

Как ни странно, но это подействовало. Все замолкли, а старший произнес:

– У вас нештатно светится страничка. Вот смотрите, – он сунул паспорт под стоящую тут же маленькую ультрафиолетовую лампу.

На заглавной странице расплывалось гадкое желтое пятно, невидимое в обычном свете. Пятно расходилось от черной точки. Черной и в обычном свете.

– Я знаю, почему так! – осенило меня. – Это от авторучки точка! Она в том же кармане!

– Да? – ухватившись за зацепку, решающую проблему, обрадовался старший. – Покажите ручку.

Я вытащил из внутреннего кармана пиджака свой любимый паркер. Надо сказать, красивого жеста не получилось. Прижималка неожиданно слишком крепко держала ручку в кармане и извлечение её выглядело непрезентабельно. Со снятием пиджака и резкими движениями. Поломалась, что ли?

– Вот, проверьте чернила! – вручил я свою гордость пограничникам.

Те стали не очень, надо сказать, вежливо, тыкать ручкой в страницу моего паспорта. В свете ультрафиолета вокруг аккуратной точки стало расплываться такое же гадкое светящееся пятно. Невидимое в нормальном свете.

Результат радикально повлиял на мое положение. Старший пограничник проговорил что-то в рацию и сейчас же громкоговоритель аэропорта сообщил о задержке рейса.

– Не беспокойтесь, мы вам поможем, – прокомментировал военный свои действия.

– А чем вы ручку заправляете? – средний пограничник задал вопрос явно из дружественного любопытства.

– Да обычная «Радуга»! Хорошие чернила и стоят раз в пятнадцать дешевле паркеровских, – объяснил я.

– О! У меня тоже такие! – обрадовалась одна из женщин в военной форме.

Её простецкая авторучка работала исправно и оставила на одной из страниц моего паспорта длинную извилистую спираль. Но ничего вокруг не засветилось.

– А дайте я! У меня другие чернила, – раздался в дверях голос человека в рабочей робе, судя по всему, грузчика. Он с интересом наблюдал за действием. От новой загогулины в паспорте меня спас главный пограничник.

– Так, хватит цирка! – вмешался Воробейчиков. – Сейчас я этот паспорт задержу за грязь! Дайте товарищу улететь.

Паспорт был вручен мне вместе с пропускающей печатью и я ринулся во чрево аэропорта. Подальше от всего. Суэта эта, несмотря на вынужденную задержку, только подняла мое настроение своим благополучным разрешением.

«Объявляется посадка на самолет рейса 1324» – объявила гнусавым голосом девица информатор. Это мой. Интересно, насколько его задержали? Я бросил быстрый взгляд на часы. Это же надо – шикарный Картье, моя гордость, повернулся на ремешке на другую сторону запястья. Что за ерунда! Только один ремешок стоит профессорскую зарплату в метрополии! Ну и что, что она меньше, чем у уборщицы в банке? А начал вдруг болтаться на руке. Вы когда-нибудь пробовали развернуть часы на запястье той рукой, на которую они надеты? Вот именно. Вторая занята сумкой с ноутбуком. Никогда такого не было. Но если быть точным – никогда не обращал внимания. Ладно, надо идти на посадку, а не часы рассматривать.

Я всегда стараюсь занять место в зале ожидания поближе к выходу на летное поле. Хитрость тут простая. Конечно, никто мое место не займет, времена не те. Но полки над сиденьями всегда забиваются расторопными пассажирами, старающимися весь излишний багаж оформить в ручную кладь. А правды тут искать не приходится. Можно, конечно, звать стюар-

дессу, говорить – мол, вот полка над моим местом, а положить сумку-куртку некуда. Обслуга в этом случае перестает понимать любые из живых языков и предлагает положить все под сиденье. Поэтому надо шустрить. Но все это – мелкие хитрости часто летающих. Тут дело в сноровке, в умении проявить наглость при внешней респектабельности. Можно, конечно, летать бизнес-классом. Но пока я не очень представляю, какой должен быть бизнес, чтобы спокойно его оплачивать. И ещё одна странность. Всегда я прошу дать мне место у окошка. Всегда прибавляю при этом – «если у вас не будет дуть из окна». Всегда девушка-меставыдавательница с умным видом заявляет – «салон герметичный». И всегда я потом мучаюсь – чтобы с этого места сбегать в туалет, надо побеспокоить как минимум одного человека. Но все же каждый раз поддаюсь соблазну посмотреть на взлет как можно ближе.

Сегодня, вроде, повезло. В моем ряду из трех кресел среднее пустое, а в крайнем сидит вполне ничего себе молодая женщина. Тут спешить и не надо. Разговор завяжется сам собой после провоза тумбочки с бесплатным баром. Так и вышло. Коньяк подействовал, и у соседки сразу появилась неразрешимая проблема. Как поменять сим-карточку в сотовом телефоне. Оказалось, я умел, и после нескольких неудачных попыток, удалось выяснить, что она научный сотрудник, летит в Кабрию в командировку. Там у неё какой-то проект и все время – поездки. Я, естественно, сразу вспомнил, что и сам окончил физический университет, и что мы коллеги. Только я не стал терпеть унижительное положение научного сотрудника, а пошел в бизнес. Потом посетовали на власти, уничтожавшие интеллектуальную элиту страны. Я постепенно полностью завладел беседой и стал рассказывать о наших многочисленных программах исследования мотиваций. Про летние подростковые лагеря под лозунгом «Стань Тухачевским новой эры». Про отбор юных лидеров, про альтернативу пионерам, о том, как важна наша работа – бизнес-тренинг – в нынешнем развивающемся рыночном обществе, и о тому подобных вещах.

Потом моя новая знакомая стала рассказывать о своей работе. О новых результатах в нейронных сетях. Она говорила очень увлеченно, использовала слова и понятия из моей другой, давно забытой жизни. Я предложил выступить с докладом в нашей фирме, чтобы держать в интеллектуальном тоне сотрудников. Та согласилась с удовольствием. Естественно, визитки у нее не было и пришлось вставать, открывать полочку над головой, рыться в сумке в поисках электронной записной книжки. Тут, как назло, заело змейку сумки моего ноутбука. Что за ерунда, это же Самсонайт! Что за полтергейст сегодня? Надо сказать, что на этом глупости не закончились – ввести данные моей новой знакомой оказалось не просто. Наверное, сказался джин-тоник. Все время палочка-стилус скользила по экрану и выдавливала не те символы. И это в матёром Casio! Ничего, я победил в конце концов. Хотя победа далась легким раздражением и испарением последнего джина. Так незаметно прошло все путешествие. Посадка как всегда была встречена аплодисментами пассажиров. Вот тут я не понимаю. А если бы не сели – они бы что, свистели? Или они не очень надеялись на посадку, что так обрадовались? Попутчица растворилась в толпе прибывших. Никуда, конечно, я её не приглашу, но поговорить было интересно. Хотя неприятный осадок остался. Не пойди я в бизнес – тоже, может, сейчас ездил бы по миру. Как всеми уважаемый научный сотрудник. А тут доказывай, что мой тренинг важен. Там, небось, все ясно – изучай природу, исследуй. И твой труд уважаем. А тут... Но, наверное, я просто рефлексую – дорога утомляет. В здании аэровокзала меня ждал человек с табличкой, украшенной названием моей фирмы. Заранее нанятый лимузин, дорога к городу и хорошая гостиница. Моя работа начнется завтра с утра. Тогда за мной и приедут.

Моя лекция о принципах менеджмента мотиваций подходила к концу. Все внешне выглядело прекрасно, но я был взмылен и уже стал нервно покашливать, пытаясь восстановить сбивающееся дыхание. Ещё бы. Что-то совершенно непонятное творилось с моим ноутбуком. Каждое нажатие на клавишу, вызывающую новый слайд, приводило к неконтролируемому перелистыванию всех картинок. Приходилось останавливаться, перегонять их обратно. Это раздражало, сбивало с мысли. Будь я оратором хоть чуть менее опытным, весь бы доклад поле-

тел к чертям. А еще эта дурацкая авторучка! Опять застряла в кармане, когда понадобилась. В общем, в гостиницу перед обратным вылетом я приехал в совсем дурном, взвинченном состоянии. Но ничего, видно, звезды нынче такие. Всякое бывает. Обратная дорога прошла и вовсе в полусне. Даже пограницы не стали интересоваться пятнами на паспорте – было поздно и сонное состояние в значительной степени ослабляло нерушимость рубежей. Площадь перед аэровокзалом, громадные биг-борды в поддержку какого-то политика, на них поверх наклеены призывы за оппозицию, пустое шоссе под музыку в приемнике такси. Спокойствие и приятная усталость.

А вот и дом. Хорошо все-таки дома. Перешагнув через вечную лужу у подъезда, я стал тыкать новомодным электронным ключом в замок на двери парадного. Электронный замок почему-то не распознал мой ключ – такое бывает, и пришлось нажимать заветную комбинацию цифр, поднимающую трезвон в квартире. Ася почему-то отозвалась не сразу. Видно, заснула. Ну что же, она тоже может иногда и не дожидаться меня после командировки и лечь спать.

– Ася! Джин доставай! – загудел я с порога, щелкая непослушным выключателем в прихожей. Говорил – не надо ставить выключатели скифского изготовления, вот уже стал барахлить.

– Ася, ну где же ты?

Ася вышла из спальни, сладко зевая.

– Что наливать? – пробормотала она, ещё не совсем проснувшись.

– Ну, неужели будем нарушать традицию! Джин-тоник! Ты «Швепс» купила?

– «Швепс»? – в голосе Аси послышалось легкое раздражение. – А может, спать ляжешь?

Поздно уже и я совсем устала.

Ну и ладно. И лягу спать. Но это что-то новенькое. Хотя мы и решили жить вместе уже почти четыре месяца назад, я все никак не мог приноровиться к перепадам настроения Аси.

– Да конечно, я сейчас, только умоюсь с дороги, – согласился я и ушел в ванную.

Когда с отрясанием дорожной пыли было закончено, я обнаружил в спальне мирно и глубоко спящую Асю. Что за глупая командировка? Выключатель в прихожей сработал с третьего раза.

Глава вторая

Пробуждение утром было тяжелым. Я не знаю, как Ася стирала простыни, но наверное, переборщила с накрахмаливанием. Как будто асбестовое полотно постелили. В итоге не выспался, вскочил рано и, пока ещё Ася мирно дрыхла, ускользнул на работу. С машиной тоже пришлось повозиться. Замок открылся только с пятой попытки. Скорее всего на брелок противоугонки действовал какой-то передатчик спецсвязи, которых наткано вокруг неисчислимо. Как-то все одно к одному. Наверное, бессонная ночь, усталость после командировки подействовали на меня слишком сильно. Даже поверхность руля казалась чужой и раздражала. Руки скользили по его оплетке, еще недавно такой привычной. И вот итог – поцарапал корпус зеркала. Нет, никаких машин сегодня. Кое-как припарковав своего боевого коня на место, поплелся в метро. Там заодно решил взять немного наличных в банкомате. И тут тоже ждала меня несуразность. Банкомат упорно выплевывал карточку. Ну, что за день! Ладно, в обед зайду в банк, пусть там разбираются.

В офисе меня сразу вызвали к начальнику. Естественно, тому было интересно, получим ли мы договор, и такой, как нам надо, с этой нефтяной компанией. Выслушав мой отчет, шеф повеселел. Надо сказать, что несмотря на важность нашей работы, на то, что мы имели прекрасные отзывы, конкуренция была высокая. Вот в последнее время какие-то жулики стали провозглашать лозунг: «Процветание бизнеса состоит в здоровье команды». И пудрили всем мозги о необходимости коллективного моржевания, сыро– и раздельноедения и тому подобного шаманства. Конечно, ерунда, но мы почувствовали отток клиентов. На этот раз вроде никакие конкуренты нам были не страшны.

– Ладно, молодец, можешь полностью брать всю программу по нефтяникам на себя, – совсем уже весело заключил Арсен. – Давай только общий план составим вместе. Бери бумагу, распишем.

Шеф обожал составлять черновые планы вместе с сотрудниками по старинке, на бумаге, чтобы потом черкать листок сто раз, чертить стратегического вида стрелки и малоразборчивые заметки на полях.

– Значит так, Майер, пиши, – начал он рассуждать. – Стратегический пункт номер один – обеспечить бизнес-тренинг нефтяникам на всех уровнях управленческой команды. Чего ты там копаешься?

– Извините, Арсен, ручка зацепилась.

Идиотизм! В третий раз за два дня авторучка ставит меня в дурацкое положение. Опять зацепилась за ткань пиджака прижималкой.

– Итак, пишем: охват тренингом на всех уровнях. Дальше подпункты. Какую группу вы посоветуете подключить к тренингу высшего эшелона?

– Пиши, Забецки с его ребятами – на первых замах генерального, – шеф обожал давать тривиальные указания. Совершенно ясно и так, кто и в чем у нас специализируется. – Так, теперь средний эшелон. Наверное, Наташа.

Дальше пошла рутинная работа по расписыванию сроков, числа занятий и прочих, нам одним понятных, мелочей.

– Ну-ка дай посмотреть, – взял он исписанные листочки. – Что у тебя за чернила? Расплываются. Купи себе нормальный паркер!

– Да, надо поменять, барахлить стала ручка, только заметил, – я был вполне согласен с шефом. Но стоила моя дороговато, чтобы так запросто менять.

– А здесь мы, наверное, сделаем так! – вдруг решил внести начальственные поправки Арсен. – Давай сначала проведем анализ мотиваций у младшего менеджмента, а потом посмотрим, что и как, и на средний переключимся! Сделаем наоборот!

Широкими движениями он почёркал листок, меняя позиции и сроки.

– Ну вот, так лучше, иди, начинай! – шеф был доволен. – Хотя, подожди! Допиши там – занятия только в группах не более пяти человек. И ещё. Когда все будет готово, позвони мне домой. После девяти вечера.

Я, опять разложив листки на стеклянной крышке стола, стал поправлять. Надо сказать, что стол у шефа был уникальный. Он заказал его на военном заводе. Говорил, где для «Буранов» стекла делали. Врал, наверное. И тут случилось странное. Там, где бумага была сильно исчеркана и почти прорвалась, перо чиркнуло по гладкой поверхности стола и оставило зловещую царапину. Это на закаленном стекле! Шеф, слава богу, не заметил.

Первое, что я сделал в своем офисе, попробовал пером оконное стекло. Да... Победитовый резец не режет так резво! Да и алмаз тоже... Интересно, из чего они там перья делают? Надо ручку эту точно менять! Мало того, что клипса цеплять стала, перо вот с аберрациями функций, так ещё видно залоснилась сама поверхность – ручка все время выезжает из пальцев при письме.

Так, не забыть про банк! Не ходить же с кредиткой неработающей!

– Добрый день, господин Майер, – приказчик помнил меня хорошо и встретил радушно. – Чем могу служить?

– Да вот, вроде у меня карточка размагнитилась. Не могли бы проверить? Банкомат её не стал принимать.

– Какие проблемы, проходите ко мне в кубик! – приказчик рукой показал на стеклянный закуток в конце зала. – Осторожно только, у вас шнурок развязался!

Черт. Как омерзительно. Шнурок ещё и намок в лужах на асфальте и теперь испачкал мои руки. Пока я его завязывал, согнувшись в три погибели, под столом приказчика, тот протянул карточку через читающий аппарат и стал внимательно всматриваться в монитор своего компьютера. Потом ещё внимательнее, потом опять протянул карточку в читателе. Потом стал недоуменно рассматривать карточку, как будто на ней было написано что-то необычное. Потом сказал:

– Я сейчас! – и убежал, диковато озираясь на меня. Прямо пограничник в Домобабово!

Прибежал он с директором банка. Вернее, директор шел спокойной походкой хозяина, а приказчик при этом ухитрился быстро бежать, отставая от того на полшага.

– Здравствуйте господин Майер, – деланно радостно поздоровался директор. – Так что у вас с карточкой?

– Да не работает, может, размагнитилась, когда я в аэропорту рамки всякие проходил? – вяло предположил я. – А что, проблемы?

– Нет, никаких проблем нет. Просто она у вас не размагнитилась, а поменяла содержание! Вы точно ничего с ней не делали и никому не давали? – строго спросил директор.

– Нет, что вы! И мыслей не было. – Я даже жене не даю. У Аси своя карточка. И счет свой. – А что с ней такого странного? Ну, не работает, да и ладно. Новую можно?

– Она не работает как карточка банкомата. Но прекрасно работает как ключ ко всей нашей системе! Более того, смотрите! – директор, крепко сжимая карточку в руке, подошел к циклопической двери сейфа, в глубине за окошками клерков. Это была гордость банка. Он сунул карточку в прорезь возле сейфа и дверь плавно поехала, обнажая внутренность!

– Вы понимаете, почему нам так важно знать, что с ней произошло? – объяснил, как тупому, главный банкир.

– Я клянусь, это все случайность, – я искренне не понимал, в чем дело.

– Ладно, – проговорил директор, – мы сейчас при вас её уничтожим, вам выдадим временную, а коды переписать нам ничего не стоит – компьютер для этого и предназначен! – он нашел решение и был горд. – Спасибо за то, что пришли к нам вовремя.

Интересно, а что значит «не вовремя»? После того, как я выпотрошил бы их сейф и перевел бы все активы на свой счет? Они бы тогда не сказали мне спасибо. Наверное.

Директор вручил приказчику мою карточку на уничтожение и удалился. Мы опять уединились в загончике.

– Вот ведь как бывает! – клерк был взволнован. – Я такого не видел. Я как прокатал карточку вашу, так у меня на экране такое повыскакивало. Очень конфиденциальное. Я потом должен буду расписку написать о не разглашении! Вот ведь, электроника, электроника. А ломаются лифты, а не обычные лестницы! Вот, пожалуйста, временная карточка, сейчас я ее активизирую.

Продолжая болтать банальности, он протащил новую карточку через ту же щель, попросил меня ввести секретный код, на мой выбор, потом опять протащил карточку и вручил её мне.

– Через две недели придет постоянная, на ваше имя. Пока пользуйтесь этой. А старую вашу я сейчас порешу.

Приказчик достал из недр своего стола ножницы и решительно чикнул мою старую карточку. С гадостным звуком лезвия ножниц скользнули по торцу карточки, не оставив следа.

– Наверное, пластик застарел. Твердая, – смущенно объяснил служивый.

Он попробовал еще и ещё. Кончилось это тем, что ножницы с хрустом развалились.

– Я сейчас, резак вообще положен в таком случае, я ножницами не по уставу, – покраснев, объяснил приказчик и убежал во второй раз.

Прибежал он с неким подобием гильотины. Только маленькой. Видно, такой казнили кошек во времена Великой Революции мышей. Положив карточку на эшафот, он с видом Марата, казнящего Робеспьера, нажал рычаг. Карточка, жалобно взыв, вылетела из устройства, пробила портрет политика в рамке, просвистела мимо моего лица и впилась в стеклянную перегородку, как нож в сосну.

– Вам карточки не военные по конверсии делают? – поинтересовался я. Еще бы немного в сторону, и она торчала бы не в этом стекле, а у меня в голове. – Вы, наверное, добивайте её сами, я доверяю вам, а я пойду. Мне ещё жить да жить.

Не поняв иронии, приказчик засуетился, ссылаясь на обязательность уничтожения карточки в присутствии клиента, вытащил её из стекла, дико оглядев появившуюся прорезь.

– Может, вы её на костре, раз топор не берет? – подсказывали смутные реминисценции из инквизиторских времен.

Служивый принял идею с воодушевлением. И тут последовала ещё одна странность. В пламени зажигалки карточка просто исчезла, вспыхнув зеленым. Без дыма и пепла. Я, не желая и не имея больше времени наблюдать этот материаловедческий семинар, откланялся и ушел. Приказчик так и остался с открытым ртом, горячей зажигалкой и потухшим взглядом. Моему красивому уходу из банка помешали опять развязавшиеся шнурки. Надо поменять шнурки. Да что за идиотизм кругом?

Глава третья

Засидевшись допоздна на работе, я и не вспомнил, что сегодня без машины и домой придется добираться свои ходом. Опять это нудное метро. Одно радовало – час пик давно прошел и не надо будет толкаться в спешащей домой людской массе. Уже совсем как сомнамбула, с единственной мыслью поскорее добраться, прошел турникеты, сел в удачно подоспевший поезд и стал рассматривать картинки рекламных объявлений. Занятие полезное и позволяет не замечать сидящих и стоящих вокруг пассажиров. Хотя пассажиры – не самое страшное. Вот нищие, расплодившиеся в невероятных количествах, это, конечно, неприятно. Я прекрасно знаю, что никакие они не нищие, но все равно выдерживать их притязания для меня непросто. Вот, явилась! Девица, изображающая из себя разбитую параличом уродку. Я её давно знаю. У нее убогость меняется от сезона к сезону, чтобы одеждой это подчеркивать. И гениальней Паганини будет. Тот играл на одной струне, она поет на одной ноте. О чем это я... Старые анекдоты вспоминаю. А вот в голове что-то, что я должен обязательно вспомнить... А!!! Звоню шефу! Уже ведь полдесятого, а он просил после девяти. Эти никому не нужные звонки – своего рода ритуал проверки лояльности. Хорошо, что мобильник в метро работает. Так, где он там у меня вставлен в номерах... Ну! Вот как тут не впадешь в истерику! Никаких номеров в телефоне! Опять глюки! И трубка отличная, всегда работает как надо, а теперь – на тебе! Наверное, полнолуние и я слишком восприимчив к мелочам... Ладно, где мой Casio... Опять эти дурацкие клавиши не слушаются. Ну что за дурь! Ага вот он. Набираю номер. Процедура, надо сказать, та ещё. Обычно, когда набираю номер на мобильнике, нажатие клавиши получается с легким кликом. Специально подбирал именно такой телефон. Но, видно, со временем пластик постарел и теперь совсем не кликает. Уф, набрал. Только почему поезд остановился прямо в тоннеле? Все галдят. Что за ерунда? В таком шуме не поговоришь. Придется позже звонить. А, вон машинист отозвался: «Уважаемые пассажиры, остановка ввиду сбоя в системе управления, мы продолжаем поездку». Ну все, поехали дальше. Все стихли. Можно опять набрать номер, благо он в памяти уже. Ну! Это полный дурдом! Они что там все с ума посходили? Стоит только набрать номер – опять встали! С визгом тормозов, воплями пассажиров. Опять та же ерунда. Опять тронулись, опять набираю номер... Тут уже слабая догадка стала уверенностью. Тихо прячу сотовый и делаю вид, что и звонить никуда не собирался.

– Дядя, дай копеечку, – ну вот! Юродивая наехала, как танк на березу. Я и забыл о нищенке со всей этой суетой. Отвернуться от неё оказалось мало. Она совершенно нагло вцепилась в рукав и повторила: – Дядя, дай копеечку убогой!

– Отойди, убогая, знаю я тебя. Ты вчера на другую ногу хромала! – не выдержал я.

– А я на другую ногу хромала, – тихо сказала дурочка, – зато по сотовому не звонила. И поезд не останавливала. Дай копеечку убогой на хлеб.

Вот зараза! Заметила, сопоставила! Мне бы сотрудников таких умных и наблюдательных. Да ещё таких нахальных и артистичных.

– У меня нету мелочи! – я говорил истинную правду.

– А ты дай крупную, я сдачи дам! – такая наглость меня просто сразила наповал!

– На, возьми, только отвали! – я сунул попрошайке ранд.

Та, не переставая изображать эпилепсию, ДЦП и стригущий лишай одновременно ловко схватила купюру. При этом наши пальцы на мгновение соприкоснулись.

Этого соприкосновения было достаточно, чтобы нищенка вмиг забыла о своей роли, разжала пальцы и с животным ужасом уставилась на меня.

– Зачем ты пришел в этот мир? Он не будет твой! Провались ты в...! – она, забыв о приличиях, ломанулась в противоположный конец вагона и выскочила, как только открылись двери. Ой, подумаешь! Ей ранд оскорбителен! А что, она золотой хотела? Вот дура!

Ну что за сумасшедший дом кругом! Никогда не надо ездить общественным транспортом. Если не хочешь получить депрессию или просто взвинченные нервы! Или не хочешь стать пациентом того самого дома. Только на улице вспомнил про звонок шефу. Его номер ответил на десятый гудок. Шеф возмущенно заявил, что просил позвонить после девяти, но никак не после десяти. На том и расстались. Все одно к одному.

Замок опять не захотел адекватно реагировать на электронный ключ, и пришлось ждать, пока Ася откликнется на домофон. Она, не сказав даже обычного «да», просто открыла дверь. Раньше она так не делала. Не стоит пускать в подъезд кого попало.

– Привет, Ася, как дела? – искренне обрадовался я тому, что наконец дома.

– Нормально, идем ужинать, – Ася была почему-то в джинсах и свитере. Дома она всегда носила спортивный костюм.

– Ты только пришла? – спросил я.

– Почему пришла? – удивилась Ася. – Я никуда вообще сегодня не ходила.

– А чего при параде? Спортивный постирала? – не унимался я. Чего это я?

– А, да. Сейчас, – через минуту Ася пришла на кухню в обычной одежде. Видно у нее что-то не так. Полнолуние, наверное, вот и странности в поведении.

– Полнолуние, наверное, – сказала Ася. – Иди, руки мой.

Мысль была правильная. Особенно после метро, дурацких нищих и вообще. Я долго мылился, фыркал и приводил себя в тонус. Уже выходя из ванной, понял, что и тут меня что-то раздражает. Тюбик с зубной пастой. Всю недолгую совместную жизнь Ася добивалась (и добилась) от меня того, чтобы паста выдавливалась аккуратно, снизу вверх. Чтобы тюбик сохранял форму, а выдавленная его часть скручивалась в рулончик. Сейчас тюбик лежал, грубо сдавленный посередине и утративший свои исходные очертания.

– А что с пастой? Кто тюбик помял? – спросил я на кухне, чтобы потом не получить по голове. Это почему-то произвело на Асю сильное впечатление.

– Если женщина раздражает, так она даже пасту будет выдавливать не так! – Ася фыркнула и резко вышла из кухни.

Чего это она? По мне дави, как хочешь, сама же меня шпыняла столько. Ну и ладно, мне только этого не хватало. Что там на ужин? На ужин было нечто непонятное, кашицеобразное и невкусное. И пива не было. Пошли вы все подальше! Сколько можно человека доставать? Я в приступе необъяснимого бешенства, накинув пиджак поверх майки и в драных джинсах, выбежал из квартиры. Ну, почти выбежал.

Ещё надевая пиджак, я знал, куда уйду. Есть в соседнем гастрономе на втором этаже бар. Пойду и напьюсь. Все равно завтра суббота, и с утра самого на работу не надо. Тем более, что шеф облаял.

Уют бара состоял из двух составляющих. Во-первых – простой, без претензий интерьер с приглушенным светом, а во-вторых – полное отсутствие как всякой шушеры, так и нуворишей. Просто уютная, чистая забегаловка. И сейчас, сидя в темной глубине с теплым бокалом коньяка, я чувствовал, как улетает раздражение. И пропадает всякое желание напиться или, там, всем показать. Вокруг сидел народ, мало различимый в приглушенном свете, и только бармен, на возвышении своей стойки, был вполне освещен. Люди были приличные и ничем не выделялись. Обычный средний класс в конце трудовой недели. Мое спокойное созерцание и ничегонеделание в итоге окончилось пустым бокалом. Ладно, уходить не хочется, а сидеть с пустым скучно. Я медленно, дабы не спугнуть благодущие, подошел к стойке бара. И сел на высокий табурет, ожидая, пока бармен смешает какой-то непростой коктейль.

– Ещё немножко коньяка, половинку, – попросил я, дождавшись своей очереди.

Бармен молча принялся готовить бокал. Греть его паром из кофеварки, мерить жидкость.

– Скажите, а коньяк хороший? – меня окликнул невесть откуда взявшийся мужчина. Он сидел на соседнем насесте явно в раздумье, что бы выбрать. Был он среднего роста, в легком

пальто, которое не снял, а только расстегнул. Достаточно франтоватая кепка лежала на стойке бара.

– Да, вполне. Тут всегда хороший коньяк. Насколько я разбираюсь, – успокоил его мой ответ.

– Я наверное, тоже возьму, – мужчина, видимо, очень хотел поговорить. – Бармен, пожалуйста, и мне такого же.

– Меня зовут Гамбург, – представился он. – Я тут впервые. Знаете, иногда вечером совсем нечего делать. Не телевизор же смотреть. А вы здесь часто бываете?

– Ну... Я не могу сказать, что часто. Просто бываю. Скорее редко, чем часто, – я вдруг понял, что и сам не прочь поболтать. – Тут уютно.

– Да, вы правы. В наше время почти не осталось мест, где ты можешь посидеть спокойно, чтобы тебе никто не мешал. – Гамбург, судя по всему, как многие сейчас, страдал тоской по прежним временам.

– Вот интересно – продолжил он, – раньше можно было курить в подобных заведениях и курили умеренно, никому не мешало. Теперь и курить нельзя, а накурено обычно так, что не продохнуть. А здесь нет. Видно, вентиляция хорошая. Вы не возражаете, если я закурю?

– Нет, что вы, что вы. Мне нравится запах табачного дыма.

Мой собеседник открыл крышку старомодного портсигара, достал из него папиросу и задымил.

– Люблю, когда дым холодный, – объяснил он. – Вы знаете, сейчас таких папирос не делают. Мне вот – черте-откуда присылают. А раньше! Вы удивитесь, папиросы «Сальве» делали у Соломона Когена в Одессе ещё до революции и уже с тройным фильтром!

– А вы романтик курения, – не выдержал я. – Такие мелочи вас волнуют. По-моему, главное чтобы табак качественный, а остальное – просто дело привычки.

– Привычки делают нас! Ведь вы что думаете, курение – это просто вдыхание табака с никотином? Тогда проще таблетки какие-нибудь, гораздо менее вредные, принимать. Курение – это целый набор тактильных ощущений, делающих этот процесс божественным. Вот только послушайте, посмотрите. Во первых, сам портсигар – ему сто лет! Его держали в руках великие люди. На его поверхности их прикосновения. Потом. Вы берете папиросу. Сухую настолько, чтобы она шелестела именно так, как надо, когда ее разминаешь. Чтобы табак, сгорая, шипел именно так, как вы привыкли. И ещё много всякого! Это же не наркомания! Это процесс! Лиши вас всех этих маленьких сенсорных удовольствий... Так можно взбеситься от дискомфорта!

Слова Гамбурга затронули именно то, что меня так мучило уже второй день. Мелочи жизни, потерявшие знакомый облик, стали мне досажать. Эдакий карманный полтергейст.

– Вы, извините, чем по жизни занимаетесь? – полюбопытствовал собеседник.

Я кратко рассказал о своей работе, о том, как мы помогаем создавать управленческие команды, помогаем совершенствовать менеджмент, про наши программы с молодыми талантами и прочее, связанное с моей работой. А вдруг он потенциальный клиент?

– Извините, может быть, я не все хорошо понимаю. К вам обращается, допустим, директор какой-нибудь организации и говорит: «помогите мне управлять?» – съязвил Гамбург.

– Ну, это несколько утрировано. У него, например, понижена мотивация персонала и надо её восстановить или умножить, – ответил я, держа бокал между ладонями и стараясь сохранить его тепло.

– Понижена мотивация? Это, если по-простому, работать не хотят? – собеседник явно был скептиком. Гамбург не забывал аккуратно обламывать пепел в блюдечко, заменявшее пепельницу. Именно обламывать, дожидаясь, пока серая полоса на кончике папиросы достигнет необходимых размеров.

– Ну, не то чтобы не хотят, а не хотят работать лучше. Вот ведь в чем дело – не всегда деньги являются мотивацией в работе. Достиг человек какого-то уровня и все, ему больше не

хочется расти по службе, добиваться больших успехов, – пояснил я. При этом заметил, что слева от меня на барную табуретку взгромоздилась дама угасающих лет.

– Вы хотите сказать, что, допустим, инженер, конструирующий, ну, к примеру, самолеты, нарисовал гайку, а дальше не хочет новое рисовать? – не унимался Гамбург. Он потянулся со спичкой через меня к вызывающей огня даме. Даже не взглянув на неё.

– Нет, конечно, речь идет, как правило, о другом бизнесе. Например, продавец. Если его заработок ставить в зависимость от уровня продаж, то при достижении определенного уровня продажи перестают расти! И тут уже просто деньгами не заинтересуешь! Орешков не хотите?

– А!!! Вот вы о каких сотрудниках говорите! Я все понял! – искренне обрадовался Гамбург. – А то я испугался и подумал, что в тех делах, с которыми я более-менее знаком, стали работать новые принципы. И что, помогают ваши советы и тренировки? Нет, спасибо. (Это уже про орешки).

– Конечно! Наш главный постулат – надо сделать из разрозненного коллектива команду, семью, если хотите! Чтобы каждый чувствовал себя членом группы и понимал, что от него зависит успех каждого! Очень помогают, например, для групп обслуживания, соревнования в индивидуализации униформ, на звание «Лучший по профессии» и тому подобное.

– Индивидуализация униформы? Это вроде соленого сахара, – не понял собеседник. Он взял орешек и стал внимательно его рассматривать. – Это как?

– Ну, например, кто сможет больше значков повесить на левый лацкан пиджака. Очень стимулирует. По итогам – денежная премия. И коллектив живет! А массовые походы в кино, в театр. Правда, в театр – не любят.

– Вы знаете, – проговорил Гамбург, – мне кажется, что такое уже раньше было. При другой системе. Называлось моральное и материальное стимулирование. И, несмотря на то же наполнение проблемы, все над этим смеялись. Особенно над моральным. Потому что в материальное не верили. Но вот в мое время, в моей среде таких проблем не возникало. Вот вы, извините, по профессии кто? Учились где?

Гамбург говорил со мной, держа свой бокал на уровне глаз и покачивая его. Вязкая жидкость растекалась по стенкам и сквозь нее просвечивала лампа напротив стойки бара.

– Я окончил физический университет. Наши многие пошли не в науку, а в бизнес. Наука никому теперь не нужна.

– Да, тут вы правы. Никому. Но мы ведь почти коллеги. Я физтех заканчивал. Нет, не тот. В другом месте. И потом меня и ещё тридцать таких же пацанов взяли на программу управляемого термояда. Вы знаете, тогда у нас не возникало никаких потребностей в мотивационных стимуляторах. Нас привезли в глубокую тайгу. Мы сами, ну почти сами, построили лабораторию. Потом работали, как проклятые. У нас зарплаты были мизерные! Но как мы хотели сделать это! Хотя, наверное, тот, кто придумал такую стимуляцию мотиваций, как вы называете, был гений менеджмента, как теперь принято говорить. Нас, тридцать птенцов кинули на прорыв. И мы сделали этот чертов термояд!.

Я теперь понял, откуда мне знакомо лицо собеседника. Портреты создателей первой рабочей установки холодного термоядерного синтеза были напечатаны на обложках учебников по физике. Он старше меня лет на пятнадцать. Да, так и есть. Они перевернули мир. Почти. Реактор остался в единичном экземпляре и его потом скифы разворовали на металлолом.

– Конечно. Другие времена, другие требования. Сейчас уже никто никуда не поедет, даже если предложить. Всем нужно деньги зарабатывать.

– Ну, вы, мне кажется, ошибаетесь. Все кругом говорят о зарабатывании денег, о новой формации. А кто их зарабатывает, эти деньги? Нувориши? Так они их воруют. Ваши продавцы без мотивации? Да, они ничуть не поменяли свой статус. Ничто кругом не меняется. Только слова другие. Вот вы, никогда не жалели о том, что не стали работать по своей основной спе-

циальности? А стали заниматься именно этим, как его? Втира... Мотивированием? – Гамбург оказался въедливым полемистом. И опять попал в точку.

– Я могу сказать вам честно – я не думал об этом, – я сказал это, глядя в сторону, рассматривая огонь лампочки сквозь бокал с коньяком.

– Ох, неправда. Думали, уверен – думали! Если, конечно, пошли в свой университет потому, что интересно было и учились по-настоящему. Не может человеческий мозг, натренированный на сложные задачи, на постоянное творчество, удовлетворяться меньшим.

– Ну – кто вам сказал, что у нас не творчество и проблемы несложные. Ой, какие сложные! И кроме того, видел я нынешних ученых, я не вас имею в виду, простите. У них носки с дырками и пиджаки в заплатках.

– Вы правы, не просто сейчас таким. Да и мало кто остался. Молодежь вон вся куда подалась. Да и ещё – никому не нужна наша работа сейчас. Шаманство больше в чести. А что касается вас... Вы, я вижу, человек умный и честный. Но попомните мое слово – в жизни могут появиться такие проблемы, по сравнению с которыми ваш менеджмент – так, комариный пук. И вот тогда у вас может все мировоззрение поменяться. Тогда вы поймете, что ни деньги, ни суэта эта ваша с тренингами творят ваш мир. Это будут великие времена!

– Ну, вы прямо Нострадамус! – я решил перевести все в шутку.

– Тут не надо быть Нострадамусом. Экстенсивное развитие ведет к перегреву общества. Расслоение накапливает социальные проблемы. А прибавить к этому интеллектуальную деградацию – вот и получите Новый Содом и Гоморру. Во главе с оппозиционными шаманами. Но не обращайтесь внимания. У меня алкоголь иногда вызывает депрессию. Особенности метаболизма после лечения.

Помолчав секунду, Гамбург добавил:

– Это, наверное, у человеческого мозга такие защитные функции. Можно себя легко убедить, что сучение старого корабельного каната руками – гораздо более важная работа, чем та, которой ты занимался раньше.

Разговор как-то сам собой угас. Посидев немного, допив ставший уже неинтересным коньяк, мы разошлись по своим делам. Вернее я домой, а он – не знаю куда.

Глава четвертая

Все! Субботнее утро. Никуда сегодня не пойду. Мне все надоело! Зачем переться в офис только для того, чтобы шеф знал, что я занимаюсь программой? Важно, что я ею занимаюсь и важен результат. Вон, с Асей не гуляли давно по парку. Покупки нужно всякие сделать. И ещё починить этот дурацкий выключатель в коридоре, который включается только с третьей попытки. Ася, совсем забыв о вчерашней размолвке, даже и не прокомментировав мой solitary поход в бар, была в нормальном расположении духа. Кстати, тюбик в ванной лежал в любимом Асином состоянии – идеальных форм и наполнения. Видно, я просто вчера был на взводе в конце недели, вот и казалось все таким гадостным.

После завтрака все-таки решили отправиться за покупками. По случаю дождя пришлось напяливать куртку, хотя ехать предстояло на машине.

– Ася, вот посмотри, – отвлек я её от зеркала и губной помады, – мне кажется, что пуговицы липкие на моей куртке. Это не от стирки такое с пластиком?

Я протянул Асе куртку. Действительно, пуговицы на моей старой куртке вдруг вызвали неприятное ощущение в пальцах, как будто кто-то намазал их медом.

– Ничего особенного, пуговицы как пуговицы, – успокоила меня Ася, тщательно осмотрев и ощупав куртку со всех сторон. – Это у тебя, наверное, что-то нервное. Может, просто раздражение от мыла?

Да, скорее всего, она права. Опять возня с неработающим выключателем в коридоре, с брелоком от машины, и мы, наконец, выехали со двора. Руль, так же как и вчера, неприятно раздражал руки, но Асин аргумент с мылом почему-то успокаивал.

Как назло, в субботу в супермаркете, где мы отовариваемся на неделю всем необходимым – в кассах очередь на полчаса. Зато есть время поболтать о вечном. Что мы и делаем всегда с Асей. На сегодня вечное было составлением меню на обед. Ася склонялась к пицце, а я решил сотворить знаменитое вепрево колено. Но за ним ещё на базар надо заехать. Отмечу, что колено у меня получалось не хуже, чем пицца у Аси. Да и Лакунские должны были прийти. Надо же чем-то удивить.

– О! Майер, а я тебе звонить сегодня собрался! – вдруг окликнули меня из параллельной очереди в кассу. – Как дела?

Вот это совпадение. Я Сая не видел уже сто лет. Он мой однокашник, начинал вместе со мной дела в фирме. Потом почему-то ушел, решил окончить психфак и сейчас кажется совсем ушел в науку.

– Да нормально дела! Ни секунды продыха нет от заказов, – гордо сообщил я, проталкивая тележку с едой и всякими рулонами полезных хозяйственных бумаг.

– Ну, конечно, конечно! Кто бы сомневался в том, что дело будет процветать! – Сай почему-то засмеялся. – А ты знаешь, мы недавно вернулись к твоей идее. Так что, может, к нам перейдешь?

– К моей идее? Которой? У меня их много было, – совсем несерьезно ответил я.

– Ну, не пижонь. Ты же первый придумал программу подготовки лидеров для эволюционной смены формации? Помнишь, на спор. Я ещё тогда сказал, что ты можешь так царем планеты стать?

Сай совсем сбрендил! Это же стеб был! Хотя и тревожил сон целую неделю.

– А ты что, в цари решил податься? – съерничал я. – Или может сразу в государи-императоры?

– Да нет! Мне в лабораторию заказ валится – именно на эту тему! И главное, они на ту нашу публикацию в «Пионерской правде» ссылаются!

– Слушай, заходи, поговорим! – и Сай сунул через разделяющую нас стойку кассы свою визитку. Чуть не опрокинув гору жвачек. Ишь ты! Зав. Лабораторией стратегического анализа! А начинали вместе. Ну и что! Старший менеджер по работе с клиентами – тоже неплохо звучит! Пусть даже и не академия наук. Да что они в самом деле? Нарочно все пытаются меня с пути сбить?

Ладно, надо ехать домой, заниматься делом, а не слушать всяких неудачников! Дорога домой прошла в полном молчании. Мне говорить не хотелось, а Ася была погружена в созерцание города за окном машины.

Ну, что за ерунда? Опять не работает замок в машине, опять не работает электронный ключ от парадного. Пуговицы эти мерзопакостные. Ну вот! Теперь этот выключатель! Нет, мужчина не должен идти на поводу у таких мелочей. Где мой ящик с инструментами? Выкинув из него никому не нужные тряпки, какую-то проволоку, нашел то, что надо – отвертку, плоскогубцы и молоток. Так, как он разбирается? Включив свет в комнате, чтобы доставало до коридора, туда где проклятый выключатель, я стал изучать этот кусок пластика. Ага, вот фиксатор. Но тут как назло зазвонил телефон.

– Майер, – запыхавшись от спринта к телефону. – Слушаю!

– Майер, ты почему дома? – это был шеф. – И почему я к тебе не могу дозвониться уже два часа?

– Ну, на работе я и не собирался быть, – мягко возразил я. – Дозвониться – меня не было дома. На сотовый звонили?

– Собирался ты или не собирался – меня не интересует, сотовый твой не отвечает! Проверь! – начальство было почему-то не в себе.

Я вытащил сотовый из кармана куртки. Там была надпись: «семнадцать неотвеченных вызовов» Ничего себе! Опять эта гадость барахлит!

– Шеф, извини, с сотовым что-то. Он ещё вчера барахлил! – стал оправдываться я.

– Меня не интересует, что у тебя барахлит, а что нет! Чтобы в офисе был сейчас.

– Не могу быть сейчас в офисе! Потому, что не хочу! – я крайне ненавижу, когда на меня давят. Но сдерживаюсь. А здесь, вдруг, сам услышал свой ответ как со стороны. – У меня выходной!

– Считай, что у тебя выходной навечно! – заревел шеф.

– По-моему, вы много на себя берете! – тут уже я стал реветь. – Я совладелец фирмы и вы не можете так со мной говорить!

– А пошел ты, знаешь, куда? Совладелец хренов! Был, да весь вышел! – шеф бросил трубку.

Идиот! Я ему покажу в понедельник!

Нет мне сегодня ни до чего дела! У меня выключатель! Господи, чем я занимаюсь? Почему я чиню какой-то дурацкий выключатель? Зачем я говорю с этим идиотом шефом? Да неужели мне самому непонятно, что вся моя работа – фигня? И жизнь моя – полная ерунда. Все эти драные клиенты, кичащиеся тем, что нанимают клоунов вроде меня, все эти бизнес-тренинги – вроде гимнастики для паралитиков. Надоело! Все надоело! Вот сейчас дочиню выключатель и...

Так, где там фиксатор? Почему рука дрожит? Неужели треп этого надутого хама так на меня подействовал? Черт, опять часы перекрутились. Так, вот тут надо надавить на фиксатор. Не давится. Видно застарелый пластик – все залипло и поприклеивалось. Так, молоточком по отвертке. Молоток предательски скользнул по округлой ручке отвертки и достаточно резко тюкнул по только что выправленным на руке часам. Ну вот! Все было плохо. Я бросил молоток, сел на пол и стал стягивать с руки часы. Ремешок не расстегивался так легко, как я привык, и пришлось повозиться. Странно – ни следа. А ведь по стеклу угодил. Или я схожу с ума? Да что же это такое!!! Сколько можно терзать меня мелочами, плохими ремешками, лживыми

сотовыми, липкими пуговицами, замками, брелоками, нищенками! А, получите!!! В приступе звериного бешенства я ахнул молотком по часам, потом ещё и ещё, не находя в себе сил остановить это безумие. Хрустнувшая ручка молотка и отлетевшая к стене головка инструмента привели меня в чувство. На полу лежали часы. Недорогой Картье. Купленный по случаю. Все также без единой царапины. Я, чувствуя, как нехорошее ощущение подымается от живота к груди, подобрал молоток. На железном бойке отпечатались несколько раз контуры часов. Я опять поднес к глазам часы. Ни царапины. Это не мои часы. Это не часы.

Сзади раздались шаги – Ася шла из комнаты к входной двери. Щелкнул замок – я понял, что она уходит.

– Ася, куда ты? – та даже не обернулась. – Ася, стой!

Я вскочил с пола и попытался схватить ее за руку. Ася легко высвободилась и так же легко ударила меня кулаком в лицо. Так, наверное, кувалда бьет по голове. Все погрузилось в темноту.

Глава пятая

Больно. Но эта боль вытаскивает меня из небытия. Впрочем, не менее болезненного. Почему так больно? Голова болит. Ну, не в первый же раз. Вот губа саднит... И раньше бывало... Почему так больно? Не помню. Первое, что выплывает из разорванной на клочки памяти – часы. Какие такие часы? Надо открыть глаза. Темно. Неужели ослеп? А почему? Кстати, я где? Почему непонятно? Непонятно потому, что я не понимаю. По-моему, тут два шага до дивана должно быть. А по чьему же ещё? Да, вот он диван. На ощупь. Мягкий. Опять уносящий в темное небытие.

Свет, свет все портит. Как все плохо. Зачем она меня так? Где телефон? Ага! Попытка встать с дивана увенчалась дикой болью в голове, тошнотой и обретением телефона. Где моя записная книжка? Обычная, старая, с тех времен, как познакомились. Как давно это было. Совсем ничего не могу сделать. Пальцы стали толстые как сосиски. Нет. Сардельки! Ага – нашел телефон Асиных родителей. Куда она могла еще деться? Никто не отвечает. А нет!!!

– Алло? – легко узнаваемый голос Аси. Узнаваемый, но какой-то не такой...

– Ася, что случилось? Зачем ты так? – я почему-то стал говорить бессвязно.

– Ты сам виноват! Больше не звони сюда, – и гудки.

В чем я виноват? Не могу ничего понять. Что-то очень важное ведет себя как рыбка, которую пытаешься поймать в аквариуме руками. Безнадежно, в общем. Так, голову под холодную воду! Я видел в кино «Дело п.306»! Там нашему помогло. Ага и мне тоже. Стало не только больно в голове, а ещё и холодно. Все-таки разнообразие. И ещё облегчение – телефон звонит! Ася! Сейчас все выяснится! Ну точно!!! Ей глупость про меня сказали!

– Да! – достаточно бодро прошипел я в трубку.

– Майер, ты что там? В порядке? – шеф. Козел. Сразу вспомнился весь недавний разговор, его вопли о моем увольнении. Мне только его не хватало!

– Ты чего в самом деле? Обиделся? – не останавливаясь, продолжил шеф. – Где ты там в самом деле? Почему не пришел на работу?

– Я уже сказал вам вчера (о, вспомнил!), я не хочу в выходные ходить на работу! Не давите на меня! – я почему-то не хотел мириться. Хотя почему «почему-то»? Вас бы женой по морде!

– Майер, ты что, надрался? Какие выходные? Так, подожди несколько минут, я приеду! – в трубке запело «ля» отбоя.

О чем это он? Козел – он козел и есть. Хотя, почему я так на него? Вроде раньше терпел и с удовольствием. Нет – надо полежать.

За этим занятием и застал меня звонок в дверь. Кого там ещё несет? Черт, темно в коридоре. Выключатель. А! Я же его ремонтировал вчера. Наверное, сработает теперь. Удар тока в пальцы, пытавшиеся нажать выключатель, дрожь по всему телу, красные фосфены, такие яркие в темноте коридора – все это сопровождало мое падение на пол и мой сдавленный вскрик. Опять. Последняя мысль, прежде чем я припечатался затылком об тумбочку – «не много ли на сегодня?»

Мокрое нечто возвратило меня в сознание очень быстро. Интересное наблюдение. Я прекрасно понимал, что отключился на секунду. Это так электричество оздоравлиюще действует! А мокрое – это полотенце, которое шеф, намочив какой-то гадостью, приложил к моему лицу. Я опять лежал на кушетке и опять приходил в больное сознание.

– Ну ты клоун! – оптимистично пошутил Арсен. – Выломал выключатель и руками туда полез.

– Я ничего не выламывал! Я его собирался починить. А Ася ушла.

– Ну, как ушла так и пришла, дело такое. А кто это тебя так приложил? Фингал на пол-парцуфа. Это когда? Крепко заплыло.

Я с трудом принял вертикальное положение и нетвердо направился в ванную. Убедившись в наличии выключателя, я вошел. Там зеркало нормальное... Да... Интересно, такие выживают? Хотя, о чем это я? Под глазами были черные кровоподтеки. На левой щеке здоровенная гематома наезжала на глаз и доставала до губы. И свежая струйка крови из носа. Шеф точно меня уволит за несоответствие внешнего вида.

Чавкая шлепанцами, я вернулся в комнату. Теперь, на расстоянии, я понял, чем шеф смочил полотенце. Шустовский коньяк. Судя по всему, ему лет пятнадцать. Тут не надо быть спецом – проще Арсен не употребляет.

– Зачем ты переводишь товар. Все вылил? – укорил я его, тыча пальцем в полотенце. – Я в рот не брал со вчерашнего вечера! Кстати – почему я должен идти на работу?

– Все нормальные люди идут на работу в понедельник! – с видом далай-ламы, говорящего откровение, изрек Арсен. И достал коньяк из стоящего у ноги портфеля. Вот шеф! Вот выучка! Полил коньяком полотенце, не пожалел, а потом его в портфель! Чтобы зря не мелькал!

– Сегодня суббота. Наверное, черная, – вяло проговорил я, наблюдая как шеф наливает в пластмассовый стаканчик дорогую жидкость.

– Да... Выпей и рассказывай! – Арсен проявлял невиданную толерантность и дружелюбие.

– Себе налей. А то опять уволишь, теперь за пьянство.

– Экий ты злопамятный! – Арсен засмеялся и опрокинул лошадиную дозу коньяка в рот. Я последовал его примеру и опрокинул слоновью, дружелюбно налитую в мой стакан.

– Что, говоришь, сегодня?

– Так понедельник! А я с тобой в субботу до обеда ругался. Извини, не прав был. Достала меня эта работа, – Арсен налил ещё. Уже не такие зоологические дозы. – Я тебе потом звонил. Но домашний не отвечал, а сотовый вообще был отключен.

– Я не отключал телефон. Я сам отключенный был. Молоток соскочил с ручки и по голове, – неизящно соврал я. – Щас, я трубку проверю.

Уже значительно более веселой походкой я вышел в коридор, где в пиджаке был сотовый. Действительно, был. В прошедшем времени.

– О, нету, – прокомментировал я. – Щас, я его по телефону отыщу. Как мне звонить? – я и вправду не помнил свой номер наизусть.

– Вот Фома неверующий, смотри! – Арсен достал свой телефон и набрал комбинацию кнопок.

– Вот видишь – говорят: «нот авей был!», – Арсен торжествовал.

Да, с сотовым было что-то не то. Тут, как будто коньяк сотворил отверстие в плотной железной двери, запаханной в мой мозг, стали появляться мысли.

Я молча, все ещё громко ляпая шлепанцами, пошел в коридор. На месте выключателя торчали голые провода. Откуда меня и долбануло током. Никаких результатов не дал поиск часов, авторучки, электронной записной книжки. С ужасом заметил, что на куртке срезаны пуговицы. И ключей от машины тоже не нашлось в карманах куртки.

– Арсен, – по-моему, меня обчистили. Причем крепко, – сообщил я шефу.

– Кто обчистил? Воры? – Арсен почему-то был настроен скептически – иронично относительно моего заявления. – Что у тебя украли?

– Выключатель в коридоре. И Асю. И ещё всякое, – я не мог похвастаться плавностью и убедительностью своих слов.

– Ну, выключатель купишь новый, с Асей тоже утрясется. Придется, наверное, цветов купить. А что ещё украли? Сотовый? Ну, тоже не велика потеря.

Тут меня дернула догадка. Ноутбук!!! Не стоит быть большим аналитиком, чтобы догадаться. Его тоже не было.

– Ну, подумаешь, – Арсен попытался меня успокоить, – это все барахло! Наживное!

Ага, наживное! Слишком долго я все наживал!

– Да ты не расстраивайся! Тут дело одно подворачивается! Если выгорит – так твой ноутбук смешной игрушкой покажется! – шеф начал вытаскивать туза из рукава.

Ну конечно! Все проще пареной репы! У него новый заказчик! Я ему понадобился, вот и прискакал. А я уже было стал излечивать мою тяжелобольную веру в людей...

– Что, нефтяники новые? Или, может, банк обламывается? – съязвил я.

– Ха! Банк! Ха, нефть! Я даже боюсь подумать, кто это! Они такую программу заказывают!

– А если я откажусь? Я же уволен! – решил чуть потянуть одеяло на себя.

– Ну, тогда я без тебя буду работать! – шеф соорудил обиженную мину. Типа, я к тебе со всей душой, а ты тут рожу кривишь. – Но они упоминали в беседе некоторые твои идеи. И мне совесть не позволяет тебя прокинуть. Не вытерпёживайся! Сегодня в шесть вечера у нас встреча. Ты обязан соприсутствовать! А потом проваливай!

– Ага, с такой рожей. Ты думаешь, тебе потом доверят что-либо кроме отбора петухов в курятнике?

– Да... тут ты прав, – Арсен на секунду сник. – Хотя, подожди.

Он достал свой сотовый и начал колдовать.

Глава шестая

Все решилось очень просто. И правда – врать никогда не надо. Шеф позвонил этому возможному заказчику и сказал, что его зама (кажется, меня повысили!) ограбили в выходные и что он, шеф, уговорил его, зама, выйти из больницы для встречи с заказчиками. И что, мол, так как его зам выглядит и чувствует себя не очень, предложил провести встречу у него дома. Потом Арсен стал звонить по одним ему ведомым телефонам, и в течение часа появившиеся мужики в униформе починили выключатель, другие в униформе, уже не мужики, поколдовали над моей рожей и тоже слегка починили, а третьи, уже ни те ни другие, притащили кучу пакетов с экзотическими пиццами и икрами. К шести вечера был накрыт стол и горел свет. Я даже себя слегка чувствовал.

Ровно в назначенное время загремел динамик домофона и через секунду в распахнутую Арсеном входную дверь вошли три человека. Что-то защемило у меня глубоко-глубоко в подсознании. Вернее, провалилось глубоко и оставило вместо себя пустоту. Но очень незаметно, так, что я особо и не обратил внимания. Странно, но визитеры сразу настроили меня на ироничный лад. Были они одеты в строгие костюмы. Где-то смахивавшие на униформу похоронной команды.

– Вот, господа, позвольте представить моего соратника и заместителя (что такое с шефом?) – Арсен, наклонившись, ладошкой показал меня. Как будто тут был ещё кто-то.

– Майер, – представился я.

– Забриски, – протянул руку тот, кто, наверное, был старшим. Был он сух лицом, с волевыми складками от уголков рта. Какое странное рукопожатие. Какое странное ощущение. Не могу понять. Холодная рука. И не только холодная.

– Меня зовут..., – протянул руку второй.

– Пойнт? – ну кто меня тянет за язык? Что со мной происходит?

– Нет, что вы, меня зовут Саймон, – не понял моей шутки гость.

Я ни минуты не сомневался, что имена их были не настоящие. Вот я и резвился. Саймон был энергичным толстячком. Именно такие толстячки бывают очень подвижны и гибки.

– Ну, тогда вашего друга точно зовут Гарфункель? – я не переставал веселиться.

– Я исключаю возможность того, что мы встречались раньше. Меня зовут Кондор, – третий включился в разговор, тоже пожимая мне руку. Тоже странное рукопожатие. Какие-то они такие...

– Мы представляем некоторую внесударственную структуру, которая нуждается в сотрудничестве с вами, – продолжил тот, который Кондор. Кто бы мог подумать, что он главный. Абсолютно бесцветный тип. Его потом не узнаешь на улице. – Я очень сожалею о происшествии, случившемся с вами. Мы готовы компенсировать вам самоотверженность, с которой вы согласились на эту встречу. Мы понимаем, что вы понесли потери только что, и готовы облегчить вам боль утраты.

– Вы хотите предложить мне женщину? – ну зачем я пикируюсь?

– Нет, я имел в виду материальную компенсацию. Мы ОЧЕНЬ ценим готовность сотрудничать с нами. Вот чек. Он настроит вас на менее ироничный ход мыслей. Впрочем, мы понимаем ваше состояние, – Кондор сделал некий, весьма театральный жест, обернувшись к Саймону.

Саймон, хранивший молчание, достал из внутреннего кармана пиджака кожаную обложку с чековой книжкой. И подписал заранее заполненный чек. Аккуратно оторвав, он вручил его мне. Странно – толстячок совершенно не потел.

– Это вам, без каких-либо обязательств с вашей стороны. Повторяю, мы очень ценим готовность сотрудничать с нами. Даже на уровне беседы.

С видом набоба, получившего сдачу с рубля, я принял чек. И посмотрел на него. Сначала с небрежной украдкой. Моя зарплата за десять лет работы.

– Это, я опять повторяю, просто комплимент, – Кондор даже не улыбнулся.

Арсен сидел явно в печали. Мало того, что с ним не разговаривали, деньги давали не ему. Его обычное выражение превосходства на толстом лице плавно морфировало в кислую мину. По-моему, даже галстук помялся.

– Господа, от имени моей фирмы я приглашаю вас на легкий ужин. – А! Арсен не долго держал паузу! Одеядло потянулось в его сторону. Но меня уже это мало интересовало. Мне казалось, что что-то в жизни начинает меняться.

– Да-да, конечно, давайте закусим! – Я поддержал шефа, которого мне почему-то стало жалко. – Там все готово.

Ужин проходил в теплой, дружественной атмосфере и неоднократно прерывался речами. Речи произносил Арсен. В основном за процветание совместного предприятия, за сотрудничество и милых гостей. С ответными речами выступали гости, не говоря ничего. После ужина все перешли в мой кабинет и разговор опять вернулся в деловое русло. Очень странные переговоры. Гости были сдержанны до хамства.

– Как уже известно господину Арсену, мы предлагаем вам сотрудничество в сфере гуманитарного развития. Образцы контракта мы привезли. Пожалуйста, ознакомьтесь с ними.

Забриски церемонно взял портфель, щелкнул красивыми замочками и стал в нем рыться. При этом он ухитрился сохранять героическое выражение лица.

– Господин Кондор, они в офисе остались, – проговорил Забриски, как командир на могиле солдата-героя. – Я сейчас съезжу. Десять минут.

– Надо машину вызвать, – не проявляя особых эмоций произнес Гарфункель.

– Да зачем? – встрепенулся Арсен. – Я с машиной. Давайте съездим!

– Мы будем крайне признательны, и это отразится на вашем гонораре, – заявил Кондор. – Будьте так добры. А вы, Забриски, будьте более внимательны в следующий раз!

Шеф с визитером шустро умотались за контрактом.

– Я думаю, вы поняли, что нам необходимо поговорить наедине, – вдруг проговорил Кондор, когда, казалось, начала нависать неприятная пауза. – В последующей работе нас интересуют только вы.

– Я не могу представить, о чем идет речь, и даже не совсем понимаю, кто вы, – искренне признался я. – Да и как я могу говорить без шефа?

– Он нам нужен был только для того, чтобы помочь встретиться с вами. Мы представляем некоторую надгосударственную организацию, которая занимается гуманитарными проблемами, – Кондор говорил тихо, но жестко. – Считайте, что мы обращаемся к вам вне рамок вашего служебного положения.

Он сидел в кресле, выпрямив спину, как выпускница Смольного института, положив руки на колени. Саймон, отвернувшись от нас, со знанием дела рассматривал деревья за окном. Его мускулистый затылок был весь в учтивом внимании.

– Что значит «надгосударственная»? – поинтересовался я. – Это нечеткое определение.

– Нет, это четкое определение. В нашей власти купить любое государство, – Кондор улыбнулся уголками губ. Это было скорее похоже на вымученную гримасу клоуна, чем на ухмылку.

– И вам, при такой власти, нужна наша работа? – ох, отнимут они у меня чек!

– В нашей власти купить. Но нам этого не нужно. Даже приобретя в собственность все активы государства, вы не можете поменять его суть, его систему. Ничего не меняется. Наша организация заинтересована в трансформации общества в нужном направлении. В его, ну скажем, гуманитаризации. И нам нужна ваша работа. Но ваша – это единственное число. Фирма ваша нас не интересует.

– Ну..., а я чем могу помочь? – меня захватывало все больше.

– Нам нужны ВЫ для организации проекта. И именно ВЫ являетесь отправной точкой в этом проекте, – это уже Гарфункель вмешался. Они что, реплики репетировали заранее?

– Это ваша статья? – Кондор вытащил из кармана старую газету.

Мне не нужно было и смотреть, что там. Давешний разговор с Саем уже настроил меня на нужную волну.

– А почему вы не стали работать с Саем? Вы же предлагали ему? – проявил я невероятную осведомленность.

– Он честно сказал, что это полностью ваша идея. Вы можете привлечь его к работе. Если понадобится.

– Значит, вы хотите запустить программу смены формации путем спланированной, гласной подготовки элитной администрации. Вы это почерпнули из статьи? – меня стала веселить постановка вопроса.

– Да, вы правильно сформулировали. Ваша задача – организовать весь процесс – от подбора кандидатов, их воспитания, до прихода этих людей к власти. Вы готовы? – Кондор взял быка за рога.

– Да вы представляете, какие нужны средства, какие силы надо задействовать? – я вскочил. То ли возмущаясь тем, как они упрощают проблему, то ли предвкушая грандиозную работу. – Ведь даже первый шаг в этой программе выглядит пока фантастическим!

– Вот именно с первых шагов и надо начинать, – Кондор совершенно не отреагировал на мое, несколько эмоциональное поведение. – Очевидно, одновременно с идеей вам приходили в голову и методы её реализации.

– Первый реальный шаг – привести подготовленную элиту к начальной власти. Ну например, на уровне маленькой области. Притом, до этого должны быть решены многие вопросы, рутинные и технические, – а я, кажется, начал увлекаться.

– Вот мы от вас и хотим услышать, насколько четко вы себе представляете это? – не оборачиваясь, спросил Саймон. – Именно все этапы программы.

– Ну..., я представляю это в общих чертах. Но только начало. И пока никаких прикидок по затратам. Кроме того..., – тут я засомневался. – А ладно, ничего.

– Вы могли бы сейчас, в нескольких словах, изложить основные моменты, вызывающие ваши сомнения? – Кондор застыл в ожидании. Наверное, сейчас должно было решиться все.

– Ну... Если говорить о технической стороне дела, той, что никак не отражена в статье, то идея была такова, – я судорожно вспоминал все, рожденное спором многолетней давности, – вначале отбирается группа молодежи, никак не связанная с государственными структурами. Причем, никаких гениев, никаких успешных бизнесменов и политиков! Просто порядочные, умные молодые люди. Потом надо легально обеспечить их жизнь. Начиная работу с нами, они не должны беспокоиться о том, что будут есть в случае неудачи. Скажем так – им назначается пожизненная, очень приличная стипендия, защищенная от инфляции. Потом... Ну потом надо поднять большой шум в прессе, чтобы довести до ума каждого в империи – вырастает новая, честная и блестящая элита. Которая **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** будет заботиться о благе родины. Работа которой и будет заключаться в радении об интересах государства.

– Ну, шум поднять – это мы можем! – без тени улыбки пошутил Кондор. – Дальше! Как же они к власти придут?

– Вот мы и подошли к очень сложному моменту... Нужно каким-либо образом привести эту команду к управлению маленьким кусочком страны. Например, области. Но так, чтобы полностью контролировать этот кусочек. Хотя, если область будет достаточно бедная, то никто на их власть покушаться не станет.

– Не похоже ли это на форсированное создание монархии?

– Это не просто похоже. Это и есть создание монархии, – Кондор понял самую суть. – Желательно абсолютной. Иначе из той пропасти, в которую летит ваша демократическая империя, никак не выкарабкаться.

– В таком случае, мы можем считать, что вы согласны? – Кондор встал, всем своим видом завершая переговоры. – Поехали, машина ждет.

– Машина? А зачем Арсену было нужно?

– Майер...Майер..., – Кондор иронизировал с совершенно серьезным лицом.

Глава седьмая

Длинный, как плевок, лимузин нес нас за город. Меня водрузили в розовой кожи салон, а сами мои гости расположились в водительской кабине. Пошлая роскошь окружала и радовала меня. Радовала тем, что я чувствовал свое превосходство над моими новыми нанимателями. Куда мы ехали, я не знал, да и не важно было. Есть время обдумать ситуацию. Все было правильно в той дурацкой статье. Но как всегда, айсберг был скрыт под водой. По крайней мере девять десятых его. Статья появилась не просто так. Тогда, когда агония старой системы была заметна даже слабо вооруженному глазу, мы просто решили пошутить – написали статью. О том, как в высокоморальном, плановом обществе можно и нужно воспитывать будущую элиту. О том, как можно, отобрав согласно способностям, группу молодежи, развить в каждом необходимые качества и потом доверить им власть в стране. Более того, сам факт, что этим молодым людям будут прививаться именно нужные знания и навыки, приведет их к власти в любом случае. И тому подобная чушь. Но напечатали под рубрикой – «Комсомол – это молодость мира и его покорять молодым». Как будто мы не знали, кто и как приходит к власти и какие качества для этого нужны. То, на что клюнули мои новые друзья, вещь стёбная и стрёмная. Говоря языком тех, кому посвящена была статья. Но что в этом случае – отказываться?

– А можно позвонить? – постучал я в разделяющую салон стеклянную перегородку, обнаружив в машине телефонную трубку.

– Да хоть на Мальдивы, – не оборачиваясь, разрешил Кондор. Как можно шутить с таким постным лицом?

Номер Асиных родителей я уже помнил наизусть.

– Алло, Ася? Как дела? – я ещё надеялся на то, что все будет хорошо.

– Я же сказала – не звони! – Асин голос был холоден.

– Ася, у меня работа, я должен уехать! Я тебе буду звонить! Тут такое намечается!

– Не утруждай себя, – и короткие гудки.

Плохо. Очень плохо.

Четырехрядное жмеринское шоссе несло лимузин, как стальной шарик по зеркалу – плавно и беспрепятственно. Примерно на сотом километре мы притормозили и свернули на малоприметную тропинку. Я совсем не ожидал такой проходимости от этого, внешне ничемного, транспорта. Лимузин спокойно поковылял по раздолбанной проселочной дороге в глубь леса. Немного попетляв среди деревьев, он выкатился на высокий песчаный берег узкой речки. Там, на обрывистой опушке, почти падавшей в реку, стоял вертолет. Зрелище было какое-то неожиданно фантастическое.

– Пожалуйста, нам надо совершить небольшую экскурсию. – Кондор пригласил меня в вертолет. – И наденьте шлем, я в полете расскажу, что к чему.

Совсем как герой шпионского фильма, пригибаясь под начавшем набирать обороты ротором, я взгромоздился в машину. Интересно, зачем все пригибаются, когда проходят под вращающимся винтом вертолета? Вот и я не знаю зачем, а пригибаюсь. Машина, доведя звук двигателя до рабочего, легко оторвалась от опушки и чуть боком понеслась над верхушками вековых дубов. Лететь пришлось недолго.

– Вот, посмотрите вниз, – в наушниках шлема раздался голос Гарфункеля, – это бывшая военная часть. Тут готовили сержантов противовоздушной обороны. Здесь будет ваш лагерь. Для тех молодых людей, которых вы отберете.

– Да вы что? Элиту империи в казармах держать решили? – меня просто возмутила эта идея.

– А что, плохо? Ну подумай, построим здесь то, что вы скажете, – вмешался Кондор. – Главное – тут земля наша и все коммуникации есть.

Покружив над заброшенными строениями, капонирами, ямами и колючими заборами, вертолет взял курс на речку и скоро мы опять неслись в лимузине в обратную сторону.

– Вас сейчас привезут в ваше новое жилище, – Кондор, обернувшись, через плечо жестом остановил моё возражение. – Там все оборудовано для работы, и вы должны понимать важность внешних атрибутов.

– Ага, я представляю, какое впечатление я буду производить своей мордой лица. Если начну работу завтра, – вспомнил я о своих бедах.

– Ну, не завтра. Время не имеет особого значения, – «Гарфункель» говорил, не оборачиваясь.

У Центрального рынка лимузин свернул и с трудом припарковался у «Банана-Плазы».

– Мы что, прикупиться решили? – пошутил я.

– Нет, последний этаж «Плазы» переоборудован под вашу квартиру и офис. Я надеюсь, вам понравится, – произнес Кондор.

Я бы на его месте гордо обернулся.

– Да ведь аренда здесь стоит безумных, ничем не оправданных денег, – я не любил пускания пыли в глаза.

– Мы не арендуем здесь ничего. Мы построили весь этот квартал, – Саймон поставил точку над «i».

Паадумаишь!...

Верхний этаж «Плазы» представлял собой гигантский пентхауз. Мне, в качестве квартиры, предназначалась студия площадью примерно в триста квадратных метров. В кухне, отделенной от жилого помещения стеклянной перегородкой, были собраны технологические шедевры. Единственное – смущал унитаз на кухне, закрытый простой шторкой от остального помещения.

– А это специально? – съязвил я. – Готовить экзотические блюда?

– Ну ведь вы один жить будете, – Кондор начал объяснять мне, как доктор больному объясняет полезность таблеток. – Очень удобно.

– Удобно что? – не понял я.

Впрочем, нашлись ещё три, менее экстремальные, туалета и ванная. Особенно обижаться было не на что. Интересная особенность человеческой психики. Несколько часов назад я был приведен в сознание полотенцем, смоченным коньяком. Без всяких особых иллюзий относительно моей дальнейшей жизни. А вот теперь – недоволен туалетом в пентхаузе. Интересно, как такими особенностями психики можно управлять?

Часть здания, отведенная под офис, была менее впечатляющей. Громадный кабинет, стол и компьютер. Остальное, судя по заверению моих заказчиков, или как их называть, я должен был организовать сам. Для связи мне был оставлен сотовый телефон. Все необходимое я мог, как мне пообещали, заказать с помощью этого телефона. Вещи из моей квартиры привезут завтра утром, а сейчас меня ждал врач косметолог. Мерзость какая... Никогда не думал, что придется встречаться с таким. Так и до личного стилиста докатиться можно. «Наверное, так начинается грехопадение»-пронеслось в голове. Врач-косметолог оказался спокойной женщиной средних лет. Она немного потрогала мое лицо, похмыкала и достала из сумки какую-то мазь. Мазать перед сном и после него.

Мои боссы сообщили мне, что я могу завтра начать собирать свою команду и готовить подробный план работы. К собственно отбору кандидатов я должен приступить через три дня, уже с укомплектованной командой.

– Подождите, а как же контракт? – я вдруг спохватился. – Я не могу так просто ни себя кинуть в пропасть, ни людей напрягать!

– Ах, да, я совсем забыл, – соврал Кондор. Я бы на его месте картинно хлопнул себя по лбу. – Вот вам кредитка. Это на начальный этап работы. Отсюда и стройте свои бюджеты. Зарплаты и тому подобное. Как начнется основной этап, получите новую.

Кредитка была действительно на мое имя. К ней прилагался пакет с паролями, доступом к счету через сеть и прочие подробности. Пока я сосредоточенно изучал содержимое пакета, боссы, сказав «пока», исчезли.

Добраться до счета через сеть оказалось проще простого. А они не ввали. Купить империю, допустим, я не смогу. Но то, что я могу купить за эти деньги, не менее впечатляюще! Интересная мысль. Ну и контора меня наняла.

– Ася? Это я. Тут такие дела! У нас квартира новая! – короткие гудки прервали мой монолог. Ну и ладно.

Глава восьмая

Лежа в громадной постели под звездным небом, отделенным только невидимой стеклянной крышей пентхауза, я размышлял, на грани сна и бодрствования, о странностях бытия. Какими далекими представлялись мне мои странные ощущения последних дней. Наверное, мое восприятие стало подводить меня в какой-то момент. А мои сомнения относительно выбранного мной дела и смысла моей работы? Возможно, так и надо было – пройти через множество неудач, через измены и подлость и прийти к главному делу своей жизни. Все суета. Я на пороге потрясающей работы. Что там говорил этот Гамбург? Не прав он был! Мое дело правое и не надо жалеть об оставленных идеалах юности! Я понимал, что теперь моя жизнь пойдёт по-другому. Вот только, что с Асей? Несмотря на напряженный день сон так и не шел. Уже казавшееся уходом в небытие оцепенение откатывалось и мозг опять заполняли мысли. Радостные и тревожные. Непривычное место настораживало где-то в подсознании. Далекие звуки громадного здания, чужие шорохи заставляли напрягаться. Но потом сон победил.

На мое приглашение Сай отозвался с удовольствием и прибыл в мой новый офис уже к одиннадцати утра.

– Да, впечатляет... Это ты так на своих бизнес-тренинг-втюхиваниях заработал? – не очень вежливо начал он, войдя в ещё необустроенный кабинет.

– Ну, не совсем так, может, я тебя должен за это благодарить.

– Впечатляет фингал твой. Я тут явно ни при чем. А вот такой офис и все кругом – скорее тревожит.

– Так вот, благодарить я тебя должен как раз не за морду лица, – я попытался улыбнуться и это получилась. Видимо, мазь помогает.

– Это ты к чему? – удивился Сай. При этом он не переставал вертеть головой, изучая современное помещение.

– Ты ведь честно сказал заказчикам, что идея в основном моя? – посвятил я его в то, что мне стало самому известно вчера.

– А, вот оно что! – на лице Сая отразилось, мягко говоря, сожаление. – То-то они наобещали с три короба и пропали. А я уже думал тебя привлекать. А оно вот как.

– Не надо расстраиваться. Какая разница, главное, что заказ совершенно невероятный, – я действительно не видел проблемы в том, кому именно предложили это дело.

– Что же в итоге предлагают? Мне так ничего точно и не сформулировали.

– Да, как раз то, что мы и предполагали. Отобрать молодежь, помочь каждому развить навыки лидерства. И организовать поддержку на высшем уровне. Создать новую политическую элиту. Ту, которая придет к власти через несколько лет и изменит облик страны! В общем – грандиозная пиаровская кампания.

– А кто заказчик? – тихо спросил Сай. – Вернее кто – я видел, а вот какие цели они преследуют? Оппозиция?

– Ну, во-первых, какое мне дело? При таких деньгах вопросы не задают. Во-вторых – ведь мы будем этих пацанов пестовать! Мы определим их цели и парадигму!

– Что-то ты какой-то беспринципный стал, – посетовал Сай. – Ты что, и с этими дегенератами миллиардерами-оппозиционерами стал бы работать? Они же обманут.

– Что значит стал бы? Кого у нас интересует что-либо, кроме денег? Твой успех и твои принципы, вернее их правильность, определяются твоим состоянием, а не эфемерными идеями! – меня он разозлил. – И они ни слова не говорили о присоединении к оппозиционерам.

– Ну, начнем с того, что идея и вправду – эфемерная. А насчёт ценностей... Ты ведь совсем другим был. А вдруг твои заказчики – бандиты и хотят страну бандитской сделать. Хотя

нет, это уже сделано. Может они баптисты и масоны какие-то? Нельзя быть беспринципным! – Сай спорил, но как-то вяло. К вялости располагало глубокое и мягкое кресло белой кожи, в котором Сай устроился с большим удовольствием.

– Ну, масоны тоже люди. А в теорию заговора я особо не верю. Скорее всего, действительно, кто-то решил привести к власти честных, образованных людей. Не зависящих от капитала бандитов и всяких прочих бизнес-кругов.

Сай, откинувшись в кресле, громко хохотал. Очень заразительно.

– Ну ты идеалист! Тебе твоя идиотская работа совсем реальность на вымышленный мир заменила! Ну ладно, попробовать стоит, тем более, что идея достаточно безумная. Кроме того, с этого поезда всегда можно соскочить. Давай перейдем к более неприятному. А что они собираются платить? – Сай, отсмеявшись, перешел к делу.

– Платить буду уже я. Уполномочен. – важно сказал я. Несмотря на ёрничанье Сая. – Ты сколько получал на своей работе?

– Что значит получал? Я ещё получаю! Много. Не важно сколько. Но много. – Сай явно врал. Много получать в Академии не может никто.

– Ну хорошо. Можешь не говорить. Я предлагаю в десять раз больше! – приятно произвести впечатление.

– Во сколько? – на лице Сая проступил скепсис.

Не желая проверять, с чем связан скепсис – то ли с неверием в мои финансовые полномочия, то ли с малостью предложенного, я сразу сказал:

– Ладно, в сто раз больше.

– Подожди, ты ведь не знаешь, сколько я получал? Вдруг я много получал? – Сай, по моему, не совсем понимал происходящее.

– Ладно! Вот тебе чек подписанный, впиши в него сумму на первые три месяца и получи в банке. В любом случае будешь сам виноват, если мало.

На том и порешили. Сай, казалось, мне уже совсем не верил. Не люблю решать финансовые вопросы.

Конец разговора увенчался прибытием Кондора.

– Очень рад, что вы привлекли господина Сая к работе. Академический подход будет как нельзя кстати для решения поставленной задачи. Как вы собираетесь обустраивать дело? Я имею в виду все, не связанное напрямую с нашей целью? – начал сходу визитер. Он вошел в кабинет без стука, явно демонстрируя своё особое положение. Однако, до тех пор, пока я ему не предложил, не сел в свободное кресло. Псих?

– Вы имеете в виду, кто у нас будет зам. по организационной работе? Как в старые времена начальник административно-хозяйственной части? Так надо найти офис-менеджера нормального, сейчас таких пачками готовят в Университете менеджмента, – мне это не казалось проблемой.

– У вас есть кандидатуры? Ведь перед вами огромный фронт работ. Один лагерь обустроить чего стоит! – Кондор говорил достаточно веско.

– Можно дать объявление и завтра сюда будет очередь! Проведем конкурс, – вмешался вовремя Сай.

Вовремя – в том смысле, что я как-то не мог понять, что такие простые решение требуют объяснения.

– Ну да, – только и произнес я.

– Очень хорошая мысль! – удовлетворенно сказал Кондор. – Но я бы хотел посмотреть на отобранных кандидатов. Ведь решать многие дела придется непосредственно с нами. Тут уж и наши пожелания важны.

Я особенно не возражал, тем более, что хотел держаться подальше от всякой рутины.

– Может у вас есть кандидатура? – предположил я.

– Нет, ни в коем случае, мы не хотим никого навязывать, – Кондор даже состроил подобающее выражение лица. Наверное, он хотел изобразить гордую невинность. Получилось страшновато.

Для меня не составило особого труда немедленно позвонить в газету, дать формальное объявление. И еще нужно позвонить знакомым в Университет менеджмента – бросить клич. Действо назначили на послезавтра.

– А теперь я бы хотел поговорить о главном – об отборе кандидатов в нашу группу. Я имею в виду – в группу будущей элиты, – вдруг взял быка за рога Сай.

– Нет, что вы, это полностью в вашем ведении. Вы должны разработать принципы отбора, а также процедуру отбора и все этому сопутствующее. Надеюсь, через три дня получить план работы, – Кондор, произнеся тираду, засобирался. – Извините, дела.

– Слушай, он что, всегда так будет приходить, вваливаться без стука, и давать тривиальные указания? – тихо, как бы боясь, что его услышат, проговорил Сай.

– А фиг его знает. Меня больше беспокоит, что он ни разу не улыбнулся. И руки холодные, как у сушеной жабы. Вдруг больной и помрет? – на самом деле меня ничто из этого не беспокоило.

После ухода Кондора мы засели с Саем за бумаги – разрабатывать стратегию отбора, методы пиара и все то, что должно сопровождать такой, мягко говоря, грандиозный проект.

Глава девятая

Интересное вокруг делается. Не успел я положить трубку телефона после звонка в газету, как запиликал мой сотовый. Тот самый знакомый из Университета менеджмента, которому я собирался позвонить, предлагал свои услуги. Нет, как так получается? Почему я никогда не узнаю новости одновременно с их появлением? В общем – послезавтра в одиннадцать утра меня ждут великие испытания. Отбирать офис менеджера. Хотя, почему я должен это хлебать? Пора привыкать к статус кво. И брать быка за рога самому.

После десятиминутного разговора по телефону я получил нового сотрудника! Костникова я не видел и не слышал уйму лет. Его отчислили со второго курса. Причем совершенно непонятно было, почему этот умный, собранный и образованный парень никак не мог сдать сессию. Выяснилось, что в итоге он все-таки окончил университет, работал непонятно кем, непонятно где и с радостью отозвался на мое предложение. Вот его я и запрягу на связи с общественностью! Костников явился через полчаса, вдаваться в подробности проекта не стал, очень серьезно воспринял свои обязанности – обеспечить подбор сотрудников среднего звена и в дальнейшем заняться более сложными задачам. На том и порешили.

Я, наверное, наивный человек. Да, Костников взял на себя всю организацию дурацкого конкурса, но на меня навалились десятки звонков. От старых и неизвестных знакомых, от больших шоуменов и маленьких депутатов. Всем надо было устроить ко мне свою, а некоторым и своего. Да, видать, слухи ползут впереди событий. Но всему есть конец и через несколько дней, занятых в основном дискуссиями с Саем о том, как же мы осуществим наше безумное начинание, Костников отрапортовал, что офис-менеджер найден и сейчас будет представлен нам. Кроме того, он поведал, что во время процедуры отбора присутствовал Саймон и полностью согласился с выбором.

– А вот и наш новый офис менеджер! – жизнерадостно сообщил он.

– Сая, – представилась женщина лет тридцати. Она была строго одета, без явных признаков косметики и производила очень приятное впечатление. Костников, похоже, нашел нетривиальный выход.

– Очень рад. Вы уже представляете себе в общих чертах, чем занимается наша организация? – я встал навстречу Сале.

– В общих чертах мне объяснил господин Костников. Детали не существенны. Я ведь не вашим делом буду заниматься, а своим. Давайте сразу обсудим круг моих обязанностей.

– Вы давно работаете в этой области? – меня удивила спокойная уверенность Сали. – Я имею в виду, достаточен ли у вас опыт ведения дел?

– Уже пять лет, – Сая говорила без комплексов, свойственных женщинам в разговоре с малоизвестными начальниками, – после увольнения из рядов.

Я от удивления даже не спросил, из рядов чего.

– Скажите, – я полистал её дело в тоненькой папке, – вы отказались от предыдущей работы, а там ведь неплохо платили, и вы давно там работали. Почему?

– Я хочу участвовать в вашем проекте. Считайте, что я к вам пришла по идейным соображениям, – спокойно ответила Сая. Сая сразу взяла быка за рога не по-женски крепкой хваткой.

Надо сказать, что с этого момента все заботы, связанные с рутинной, отпали сами собой. А забот начало прибавляться. Первый шаг, который мы должны были сделать – поднять волну в прессе о нашей программе. Это оказалось до смешного просто! Сначала появилась наша статья – не та, из «Пионерской правды». В новой мы провозгласили цели нашей организации – создание элиты следующего десятилетия. В миг на нашу публикацию появилась сотня других – половина нас хвалила, половина проклинала. Потом стали выступать политики. Те, которые

помоложе – ругали, те, у которых подрастали дети – осторожно хвалили. Оппозиция сделала вид, что нас не замечает. Потом к нам пришли люди из органов.

Глава десятая

День подходил к концу. Один из череды последних, напряженных и полных встреч, разговоров, контрактов и прочего, рабочих дней.

– Господин Майер, к вам ещё посетитель, – позвонила из маленькой приемной Саля. – Только что пришел.

– Что-то важное? – я не имел желания принимать всех неожиданно появляющихся ходяков. Кепку жалко.

Дождаться ответа не пришлось. Дверь распахнул мужчина с мускулистым лицом.

– Майор Заступко, – энергично представился он. И помахал перед моим носом маленькой книжечкой в сафьяновом переплете.

– Вы из пожарной охраны? – предположил я. – Так мы все уладили с вашим высшим начальством... Там был кто-то в ранге генерала, не припомню фамилию.

Обычно пожарники отличались особой наглостью, норовили проникнуть в офис по любому поводу. Но ограничивались мелкими взятками.

– Нет, что вы! – возразил гость. – Я следователь по сложным делам Министерства Органов.

А, понятно, госбезопасность. Что же, она и не должна была пропустить это все мимо себя.

– Да-да, конечно! Чем могу служить? – я удержался, чтобы не расплыться в услужливой улыбке.

– Вы с кем из компетентных служб согласовывали свой проект? – очень строго спросил майор, тихонько продвигаясь к креслу.

– А разве я был обязан делать это? У нас обычная бизнес-компания, мы никаких секретов страны не касаемся, – я старался разговаривать с ним, как с умалишенным. Жестко, не давая ему возможности развить мысль. Хотя, в общих чертах, уже было понятно, что все так просто не пройдет.

– Не надо прикидываться глупее, чем вы есть на самом деле! – вдруг неожиданно резко произнес майор и даже вскочил с кресла, в которое он только что втиснулся без спросу. – Вы тут про новые власти страны рассуждаете играючи и думаете, это не надо согласовывать?

– А что, надо? – он меня раздражал. – У нас что, каждый кандидат на выборах хоть в думу, хоть в дворники, спрашивает вашего разрешения?

– Вы, что, товарищ Майер, не понимаете политическую ситуацию момента??? – ну, понесло родимого. – Земля под угрозой внешних факторов, оппозиция рвется к власти, наше отечество уже на грани, а вы тут себе? Как можно делать что-либо, направленное на системные изменения в обществе и не согласовывать? Вы себе что???

Тут что-то щемяще-знакомое вспомнилось мне... Дела далеких студенческих лет... Страна была еще не империя, а республика, но также, как и во все времена, страдала от угрозы. Мы, девчата-пацаны, приехали в стройотряд в Бесарабию. Целый состав. Нас встречало местное комсомольское начальство. Особенно встречал молодой битюг в униформе. Это была самодельная униформа. Она напоминала наши стройотрядовские робы, но была пошита в ателье и из дорогого материала. Выглядела комично. Так вот – слово в слово он говорил то же самое. Про то, что сбор помидоров в этом году требует повышенной идеологической ответственности в силу политической ситуации момента. Про бойцов переднего фронта (а как выглядит задний?) и прочее, прочее, прочее... И чтобы не вздумали вино пить.

– Скажите, господин За... извините, забыл как вас дальше, вы в Бессарабии студентами не командовали? – задал я ядовитый вопрос.

– Я никогда никем не командовал. Но на комсомольской работе в Тирасполе был, – почему-то гордо ответил тот.

Вот почему мне знакомы эти командные нотки... Но раз за столько лет этот перец поднялся от комсомольского вожака лишь до майора, то, видать, он не очень в фаворе.

– Скажите пожалуйста, майор, какими конкретно инструкциями и регламентирующими документами вы руководствуетесь в данный момент? – пора его выпроваживать. – Я хотел бы понимать, в какой степени ваш визит официален.

– Шо? – не понял майор.

– Я говорю, ты сам сюда поперся, медаль заработать решил, или тебя послал начальник? – прорвало меня. – Мне тут только майоров из Органов не хватало. Которые себе приключений ищут.

– Вы что себе...? – вспух посетитель. – Да как ты смеешь с представителем!?

– Коньяк будешь? – неожиданно спросил я. Неожиданно для себя.

– На службе??? Да как вы сме...? – покраснел майор. – Наливай.

С коньяком дело пошло попроще. Майор, после второй, стал рассказывать, что вообще ему совершенно наплевать на то, кто будет у власти, просто им, сотрудникам Органов среднего звена, положено предлагать новые дела для оперативной разработки. По итогам такой деятельности премия растет, и, глядишь, до пенсии еще звездочку кинут. Но вот последнее время стало совсем плохо. Все наводки для новых дел стали поступать свыше. То про то, что планета остывает и, мол, надо население готовить к пониманию важности процессов. Вот фильм новый – «Чужой против своего» – обязали смотреть и объяснять народу, что, мол, Чужой – хороший, только его плохо тут принимали. Опять же, наученные горьким опытом Антарктиды, органы должны приложить все усилия для несоздания новых социальных формаций и стран. Типа – нет сепаратизму. А вот коньяк откуда? А... Я тоже с тех пор бессарабский люблю... Помнишь? «Сюрпризный» КВВК? Ну да, Копанку помню... Потом там такое завертелось... Как националисты от Тирасполя перли... Да, там, именно на спуске... Да, моих ребят там человек пятнадцать полегло. Тогда и уехал... и все по новой начал. Ну, в госадминистрацию взяли, а потом по профилю... Только вот продвинулся не сильно. Ну ты что, не понимаешь, что все только и пялятся на твой проект! Там же бабок немеряно, обещаешь страну превратить в рай, ничего не боишься! Нет, обещаешь! Как откуда? Ну, пишут ведь. Да, ну пойми ты, мне положено всякое такое отслеживать. Да на фиг их всех. Слушай, Майер, если тебе надо будет, звони! Да я за тебя горой! Слушай, а вот ты сам, как думаешь, комета грозит? Ну как, какая??? Пишут, мол, может прилететь и у нас нет средств бороться. Ну как, у кого, у Земли. Да не отвечаю я за всю Землю! У нас инструктаж был... По поводу внешних факторов восторженность мыслей недопустима. Слушай, у нас даже есть отдел, там ребята пишут программы для радиотескелопов. Радиотескелетов. Нет, слушай, у тебя коньяк отличный. Р а д и о т е л е с к о п о в! О! Чтобы, мол, типа не искали фигню всякую в небе, а посылали сигналы о помощи! И одновременно метеориты искали! Представляешь! Хрен нам кто поможет! Только хуже сделают. Еще эти, которые уже год орут, что они народного президента выберут. Ага, оппозиция, наци вонючие. Да не бери ты дурного! Я пришел и ушел. Никто тебя не тронет больше! Ты же мужик нормальный! Главное, никакой ксенофобии. Все живые – человек человеку люпу съест. Нет, там как-то не так. Слушай, только не ври, я тебя спрошу, но меня за такой вопрос уволить могут. Это я так, уважаю тебя, поэтому спрошу! Вот спрошу, а ты потом вспомни. Ну, про меня вспомни потом. Типа. я всегда знал. Да, уважаю! Наливай. Ну, о чем это я... А, вот... Её правда, эти, с тарелки спасли? Ну как, кого? Бабку твою! Как, какую? Анастасию! И ещё было, в ориентировках. Типа какой-то твой древний предок выжил при пожаре в Москве в 1812 году неподобающим образом. Вот только не надо мне говорить, что ты не правнук Николая! Какого-какого! Второго! Слушай, Майер, я хоть человек простой, но слухи слушаю! Неужели непонятно, что ты под себя весь этот проект готовишь. Ну да, ну да... Я понимаю. Не можешь сказать. Да, буду конечно... На пошосок... Кто меня отвезет? Нет у меня по штату машины... Ну, подбрось... На Суповку...

Ну да, нормальный район. Только от центра далеко. Слушай, а давай на дачу ко мне! Завтра! Ага, звони. Ну, будь, да?

Утром болела голова и ничего этого я уже не помнил.

Глава одиннадцатая

Кондор пришел в офис совсем неожиданно. Впрочем, он всегда так приходил. Мы с Саем ожесточенно спорили о последней кандидатуре – Ариане. Она ничем не выделялась на опросах и тестах, но странным образом притягивала внимание Сая. Он доказывал, что именно в таких личностях скрыто потенциальное лидерство и умение сплотить коллектив. Я иронизировал, Сай обижался. В общем, ничего важного. Дело набирало обороты и временами двигалось уже почти без нашего участия.

– Доброе утро, – отвлек нас Кондор, – вот, знакомьтесь, это Танильга.

Кондор отступил чуть в сторону. За его спиной пряталась хрупкая девочка. Я бы не дал ей больше пятнадцати. Хотя, почему хрупкая? Это, наверное, не хрупкость. Это просто так всегда выглядит неискренность. Смешной пушок на переносице.

– Это...? – мой вопрос не нашел продолжения.

– Да, это моя дочь. Она практикуется сейчас в информатике, и я был бы рад, если бы вы позволили ей поработать с вами, – Кондор улыбнулся своей обычной постной улыбкой.

– Ну, вы знаете, у нас серьезные компьютеры, кстати, вам же спасибо, – Сай не обрадовался такому вмешательству. Кому охота сопли за пацанками вытирать? – У нас совсем нет игр в системе. И ребенок может пораниться мышкой. Или о коврик порезаться.

Сай, конечно, нахал.

– Нет-нет, не беспокойтесь! – Кондор энергично запротестовал, – она не интересуется играми. Танильга разбирается в компьютерах.

– Да? Ну, пусть посмотрит. Если что-то поймет в системе, то, конечно, мы не будем ей мешать, – Сай не давал мне открыть рот.

– Не обращайтесь на него внимания, – улыбнулся я Танильге, – Сегодня не его день. Конечно, мы будем рады, если вы поработаете с нами. И всегда будем рады помочь. У вас практика в школе?

– Нет, мне просто интересно, – голос у Танильги был почти взрослый. Мелодичный и уверенный. – Я ни в коем случае не буду обузой. Я привыкла работать сама. И если господин...

– Сай, – представился Женья.

– Да, если господин Сай позволит, я с удовольствием посмотрю на вашу систему.

– Ну-ну, – Сай, согласившись с очередной глупостью, повернулся ко мне лицом и, не разжимая губ, прошипел, – памперсы ей купи.

– Спасибо. Мне не нужно, – то ли на пододвинутое к ней кресло, то ли на иронию Сая ответила Танильга.

Судя по тому, что она все-таки устроилась в кресле, это было сказано в адрес Сая. Но тот уже вышел.

– Ну, как у вас дела? – Кондор счел необходимым переключить меня на более серьезные вопросы.

– Да, вроде все по плану. Команда есть. Что творится в прессе, вы уже видели. Надо сказать, что журналюги слопали наживку вместе с удилищем. Мы даже и не провоцируем уже ничего. Вот посмотрите – последняя «Правда». Биография будущего президента Империи. Так и назвали. С другой стороны, взятки предложили на сумму, уже большую, чем мы затратили. Угрозы усиливаются.

– На счет угроз не беспокойтесь. Служба безопасности нашей организации все отслеживает, – сказал Кондор. Как-то холодно сообщил. Так, наверное, директор птицефабрики сообщает о проданных тушках птицы.

– Извините, можно вопросик? – наш производственный диалог прервала Танильга, – у вас тут с системой неполадки.

– Ой, извините, – я почувствовал себя неудобно, – Сай как всегда, провокатор. Он же не сказал вам логин и пароль для входа.

– Да, это ерунда. Такие вещи ломаются без труда, – Танильга, как мне показалось, горделиво тряхнула кудряшками, – у вас тут совсем плохо база данных стоит. Вы набрали гору ссылок, дикие меги, а поиск делаете по деревьям старым пакетом СИ-Три, это уже не актуально.

Надо сказать, что такие слова в устах милой девочки, да еще с инфантильной маской бесчувственности, звучали, мягко говоря, странно.

– Как же вы прикажете нам поиск организовывать? Да и нет у нас на это особых сил. Мы не этим в основном заняты, – а что я ещё мог сказать?

– Танильга вам может во многом помочь, – Кондор, казалось, был уверен в своей протее, – она очень хорошо разбирается в информатике.

– Вундеркинд? – я, наверное, зря сказал такое в присутствии девочки.

– Нет, она никогда не была вундеркиндом, но была прилежна и настойчива, – Кондор не стеснялся.

– И чем вы можете помочь? – я переключился на девочку.

– Мне очень нравится ассоциативный поиск, но ваша операционная система не позволяет пользоваться стандартными пакетами. Если вы позволите, я могу написать сама поддержку поиска.

Я хотел сказать какую-то гадость и уже было открыл рот. И закрыл его. На меня смотрела девочка. Её лицо ещё хранило детскую припухлость. На меня смотрели внимательные глаза. Еще хранящие какую-то детскую доверчивость и простоту. Бездонные глаза, хранившие в себе вселенную. И хранившие в себе спокойствие вселенной. И всю её мудрость. И всю её боль. Безмолвно, ни единой ноткой, она, казалось, хотела что-то сказать мне. Или спросить. Если бы я ещё знал, что.

– Да, конечно, работайте... Только не проводите много времени у монитора. Это может повредить детским глазам.

– Да, я знаю... Это может повредить детским глазам. А я буду осторожна, – тихо проговорила Танильга.

– Пусть поработает. Ей практика в таких необычных условиях поможет, – Кондор откланялся и пообещал, что дочку позже заберет машина.

Работа на остаток дня была достаточно простая. Подготовка к финальной фазе – переезду в лагерь, где группа кандидатов должна пройти последние тренинги, тесты, рекламные интервью и прочее, была уже в стадии сборов последних мелочей. Отбредавшись от нескольких газетных нахалов, я никак не мог сосредоточиться на бумажках, которые мне подсовывали Костников и Сая. Какой-то непонятный день...

– Я уже собираюсь, – Танильга стояла в дверях моего кабинета, всегда распахнутого. – Можно я завтра ещё приду?

– Уже... Уже уходите?

– Не надо меня на вы называть... Мне неудобно. Да, я домой. Машина должна прийти.

– Ва... Тебя проводить? У нас тут можно потеряться, – ну да, Кондор-то деньги дает, надо с его дочкой повежливее.

– Да, – вдруг обрадовалась девочка, – мне тут немного непривычно. Точнее, я не могу найти верный путь. Столько всяких комнат. Офисов. Это же офисы повсюду в здании?

Я почему-то повел её не к прозрачному лифту, деловито шнырявшему в центре «Плазы», а к дальней лестнице, построенной на случай экстренной эвакуации. Лестница была длинная и там никто не бегал.

– А ты где так компьютеры изучила? Так запросто с ними.

– Я, вообще, на истории культур специализируюсь. Информатика – это просто обязательный курс. Я очень хотела с вами познакомиться. Я столько слыхала о вас.

- Хотел бы я, чтобы мои дети в такой школе учились.
- У вас нет детей, – девочка оказалась информированной. – Мне Кондор говорил...
- По-моему, не очень корректно отца так называть – по имени.
- Ну, у нас так принято, – встретив мой удивленный взгляд, Танильга пояснила, – у нас в семье так принято говорить. И не иронизируйте, я действительно изучаю историю культур. А вы любите литературу?
- Что значит литературу? – удивился я, – литература – дело растяжимое. От Шекспира до..., ну, не будем уточнять... И то и другое называют литературой.
- Да? А есть разница между книгами? Все они несут информацию. Каждый бит важен. Я изучаю все это, как поток информации. Анализируя слово-частотные совпадения, можно выяснить очень много интересного. Например, как развивалась цивилизация.
- А ты почитать не пробовала? – улыбнулся я.
- Зачем читать? Это непроизводительно! Необходимо анализировать всю информацию в целом! Да и не прочтешь все.
- Ну... вот послушай:

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,
Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы,

Но трусливых душ не было меж нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.